

А. Ю. МАЙНИЧЕВА

ДЕРЕВЯННЫЕ ЦЕРКВИ СИБИРИ XVII ВЕКА

формы
символы
образы

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Серия
Этнография Сибири

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2000

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Anna Yu. Mainicheva

**SIBERIAN WOODEN CHURCHES:
REALITY AND SYMBOLICS**

Edited by *Ismail N. Gemuev*, Dr. of Sc. (Ethnography, History)

Novosibirsk
2000

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

А.Ю. Майничева

**ДЕРЕВЯННЫЕ ЦЕРКВИ СИБИРИ XVII ВЕКА:
ФОРМЫ, СИМВОЛЫ, ОБРАЗЫ**

Ответственный редактор доктор исторических наук **И.Н. Гемуев**

Новосибирск
2000

ББК 392
М 14

Утверждено к печати
Институтом археологии и этнографии СО РАН

*Исследование проведено при финансовой поддержке фонда RSS, проект 1196/1997
"Siberian Wooden Churches: Reality and Symbolics"*

*Издание поддержано Российским гуманитарным научным фондом,
проект № 00-04-16026д*

М 14 Майничева А.Ю.
Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. - 64 с. (Сер. "Этнография Сибири").

Монография посвящена сложной и малоизученной проблеме закономерности построения форм деревянных церквей Сибири XVII в. во взаимосвязи с их образным и символическим строем. Рассмотрены такие замечательные сооружения, как Тобольский собор Софии Премудрости Слова Божия, церкви Похвалы Богородице (Тобольск), Троицы Живоначальной (Томск), Казанской Божьей Матери (Илимск). Особенностью работы являются авторские реконструкции и рисунки церквей и жилищ.

Книга представляет интерес как для специалистов в области истории архитектуры, этнологии и культурологии, так и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами развития культуры Сибири.

ISBN 5-7803-0068-2

ББК 392

© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2000

ВВЕДЕНИЕ

охранение культурного наследия Сибири является серьезной задачей, актуальной и для произведений архитектурного творчества. Неотвратимый ход времени, стихия, преобразования в общественной жизни - все грозит гибелью замечательным, но недолговечным произведениям деревянного зодчества. Множество прекрасных образцов церковной архитектуры безвозвратно утрачено, они уже никогда не будут возвращены в культурную среду мира современных людей. Вместе с потерей каждого здания уходят в небытие уникальные традиции, мироощущение эпохи, помыслы и стремления людей прошлого. Не слишком ли наши современники гордятся своими научными и техническими достижениями, не потеряли ли мы больше, забывая уроки развития своей цивилизации? Сейчас существует лишь слабая возможность восстановить облик церквей Сибири XVII в., их образный и символический строй, тем самым попробовав понять прошлое, а через него и настоящее, попытаться вернуть связь времен.

В этой книге предпринята попытка провести комплексные исследования символики, феноменологии и морфологии трех деревянных церквей, построенных в XVII в. в сибирских городах: Тобольского собора Софии Премудрости Слова Божия, Томской церкви Троицы Живоначальной и Илимской церкви Казанской Богоматери. Для выполнения этой задачи недостаточно было лишь реконструировать формы зданий, потребовалось восстановить и культурный контекст, в котором создавались сооружения. Отсюда многоаспектность исследования и комплексность анализа: поиски культурных и смысловых аналогий в истории символизма чисел, названий и имен, в представлениях о Природе, Вселенной и Человеке.

Исследователями неоднократно отмечалась художественная и эстетическая ценность храмового зодчества, обсуждались происхождение и генезис форм, феноменологические эффекты воздействия архитектуры на человека, в то время, как суть и значение символики рассматривались мало. Это не могло не обеднять анализ архитектурных сооружений, так как чем более полно представлены и взаимообусловлены, обладая внутренней логикой взаимодействия, символика, морфология и феноменология здания, тем более оно ценно и значимо в культуре всех времен и народов. Естественно, сооружений, которые можно назвать шедеврами, немного. В каждом храме наиболее ярко проявлялись лишь отдельные особенности построения пространства.

Православные церкви как сооружения культового зодчества характеризуются, пожалуй, наибольшей степенью традиционности своего архитектурного образа и, как следствие, облика. Это следует, в первую очередь, из символического значения православного храма и его частей, которое сохраняется в течение столетий. Традиционность образа и облика не предполагает механического перенесения форм и их символической сущности от одного здания к другому, из одной эпохи в другую. Каждое время создает свои образы благодаря изменениям прежних черт одного и того же содержания (утилитарного и идейно-социального), формированию новых элементов содержания, поворотам в идеологии общества, изменениям эстетических взглядов, появлению новых материалов и способов производства.

Образы архитектуры выражают идеи общества языком геометрических абстрактных форм, что требует опосредованного соотношения архитектурной формы с соответствующим содержанием, следуя принципу историчности создаваемых образов. Кажущиеся различными храмовые здания могут иметь очень тонкие связи, сохраняя в чем-то постоянную образную структуру, в первую очередь - символическую. Для интерпретации древнерусской живописи - фресок, икон -

разработаны семантические модели, позволяющие выделить значение и место символизма в живописи, подобный же вопрос в архитектуре изучен недостаточно. В связи с этим следует отметить, что решение проблемы соотношения роли символики, образа и облика православного храма должно методологически обогатить принцип чистой визуальности, или поверхностно-описательного формализма, и стать существенным дополнением несколько одностороннего поиска генетических и типологических связей христианских храмов с язычеством.

Даже значительное изменение формы, облика сооружения не всегда ведет к изменению его образного строя. Возможно, то, что людям последующих поколений, отдаленным по времени от периода существования зданий, могло казаться изменением образа, для людей, строивших их, было очевидным его сохранением. Крупный теоретик архитектуры М.Г. Бархин писал, что образ воспринимается по-разному, в зависимости от личных качеств зрителя, от его подготовленности, от принятия им условности, свойственной архитектуре, от понимания своеобразной знаковой системы, принятой в архитектуре и т.д., а это весьма важно при анализе того или иного здания, его пространственного строя, связанного с восприятием его, когда необходимо установить приоритеты, закономерности и преемственность создания образа здания в различные периоды его существования. Деревянные церкви Сибири XVII в. дают прекрасную возможность изучения всех перечисленных аспектов проблемы, несмотря на скудость имеющихся источников. В распоряжении исследователя находятся лишь описания конструктивных особенностей храмов, допускающие многозначность прочтения, и некоторые факты из истории существования церквей. Но изучение православной культовой архитектуры как феномена русской средневековой культуры, подверженной всем характерным для этой эпохи влияниям, начиная от идеи теоцентризма и кончая языческими реминисценциями, делает реальным воссоздание достоверного облика храмов, их роли и места в мировоззренческой системе народа.

Все графические реконструкции и рисунки, если не дано особое указание, выполнены автором.

Можно было бы считать задачу, поставленную в книге, выполненной, если бы ею заинтересовались не только историки и этнологи, но и практикующие архитекторы, занимающиеся реставрацией памятников архитектуры и проектированием новых церквей. Поскольку исследование должно дать ответы на вопросы "какие существовали традиции в русском деревянном храмовом

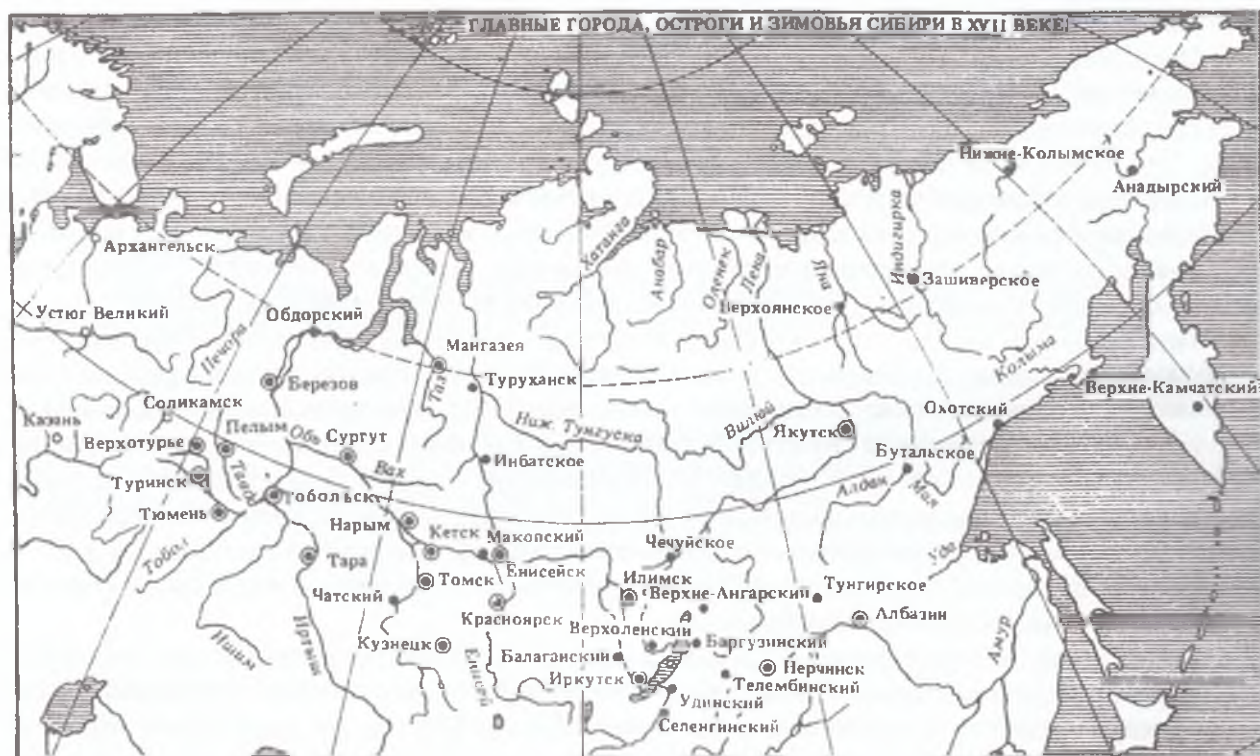

Рис 1. Главные города, остроги и зимовья Сибири в XVII в.

зодчестве?" и "можно ли им следовать в современном строительстве церквей?", его результаты могут помочь в выборе образного и символического языка проектирования. Книга может быть востребована как основа для лекционных курсов, посвященных развитию русской культуры, а также окажется полезной для широких кругов читателей, интересующихся вопросами архитектуры Сибири. Дискуссионность проблем, поднятых в книге, позволяет надеяться на плодотворный диалог с вероятными оппонентами, что должно приблизить нас к истине.

В заключение воспользуюсь случаем выразить свою искреннюю благодарность коллегам, друзьям и родным, оказавшим неоценимую помощь в подготовке книги. Необходимо также отметить, что работа проведена при поддержке фонда RSS (проект 1196/1997 "Siberian Wooden Churches: Reality and Symbolics"), без чего это исследование вряд ли было бы осуществлено. Публикация вышла в свет благодаря Российскому гуманитарному научному фонду (проект № 00-04-16026д).

Глава 1

СОФИЙСКИЙ СОБОР В ТОБОЛЬСКЕ. 1621-1677 годы

тобольский Собор Софии Премудрости, построенный в 1686 г., известен как первое каменное церковное сооружение Сибири. Он имел и свою "деревянную предысторию", насчитывающую более пятидесяти лет - с 1621 г., времени постройки первого деревянного собора, по 1677 г., когда храм был уничтожен в охватившем город пожаре. Период существования Софийского собора, построенного в камне, подробно рассмотрен исследователями¹. Деревянный же вариант сооружения, несмотря на опубликованное описание², остался в стороне, исключая несколько замечаний в работах историков архитектуры. Однако именно в начале XVII в. Tobolsk приобретает значение крупного военно-административного, торгового, культурного, церковного центра, становясь фактической столицей Сибири. В 20-е гг. XVII в. в Tobolskскую епархию был направлен митрополит Киприан, с именем которого связана постройка первого здания Софийского собора³. Сооружению храма придавался особый смысл.

Как следует из материалов переписных и копийных книг 1620-1636 гг. Tobolskского архиерейского дома⁴, деревянный собор Софии был построен в 1621-1622 гг. по царскому указу сибирским воеводам 1620 г. Для строительства церкви были использованы срубы домов, купленные у тобольских жителей, поскольку для заготовки леса некого было нанять, так как в те годы Tobolsk обезлюдел из-за голода. Впрочем, приобретение готовых срубов для возведения какого-либо здания являлось обычной практикой. Среди купленных построек был наполовину выстроенный сруб церкви, которую в 1620 г. священник Иван по благословению вологодского архиепископа Макария заложил в десяти сажнях от Троицкой церкви и которая была задумана как пятиглавая церковь во имя Софии Премудрости. Киприан достроил эту церковь как соборную, оставив за ней название Софийской (освящена 21 октября 1622 г.), хотя грамота из Москвы предписывала поименовать церковь Вознесенской.

Детальное описание возведенного храма позволяет реконструировать его облик. Высота церкви от уровня земли до яблока была 13,5-14 сажень (более 28 м), пол находился на уровне 14 венца, что при диаметре бревен 25-28 см составляло 3,5-3,9 м. От пола до "закомар", представлявших собой крещатое бочечное покрытие, было 26 венцов (около 7 м). Таким образом, сруб поднимался на высоту 10-11 м, что составляло около трети высоты всего здания. Специалистам термин "закомары" более знаком по каменным сооружениям, но, как видно, его использовали и для зданий из дерева, что может подтверждать взаимосвязь трактовок форм этих двух типов сооружений. На основании из крещатых бочек, выходящих *лбами* по три на каждую из четырех сторон сруба, был установлен эффектный барабан, составленный из центрически расположенных бочек меньшего размера. Собор имел три алтаря и паперть, охватывавшую сруб с трех сторон. На паперть вела крытая лестница с тремя площадками-крыльцами, верхнее из которых имело кровлю бочкой, покрытую лемехом, два средних - бочки, покрытые гнутым тесом. Собор был пятиглавым, причем центральная глава размещалась на бочечном барабане, а четыре меньшие главы - на угловых крещатых бочках.

Числовая символика Tobolskского Софийского собора. Случайна ли числовая символика храма? Пять глав, три алтаря, многократно повторяющаяся троичность элементов и конструкций... По наблюдениям Г.К. Вагнера, в древнерусском зодчестве пятиглавие возрождалось тогда, когда в политике ктиторов возникла некая политически масштабная, подчас даже общерусская тенденция. Существуют гипотеза о том, что первой пятиглавой церковью можно

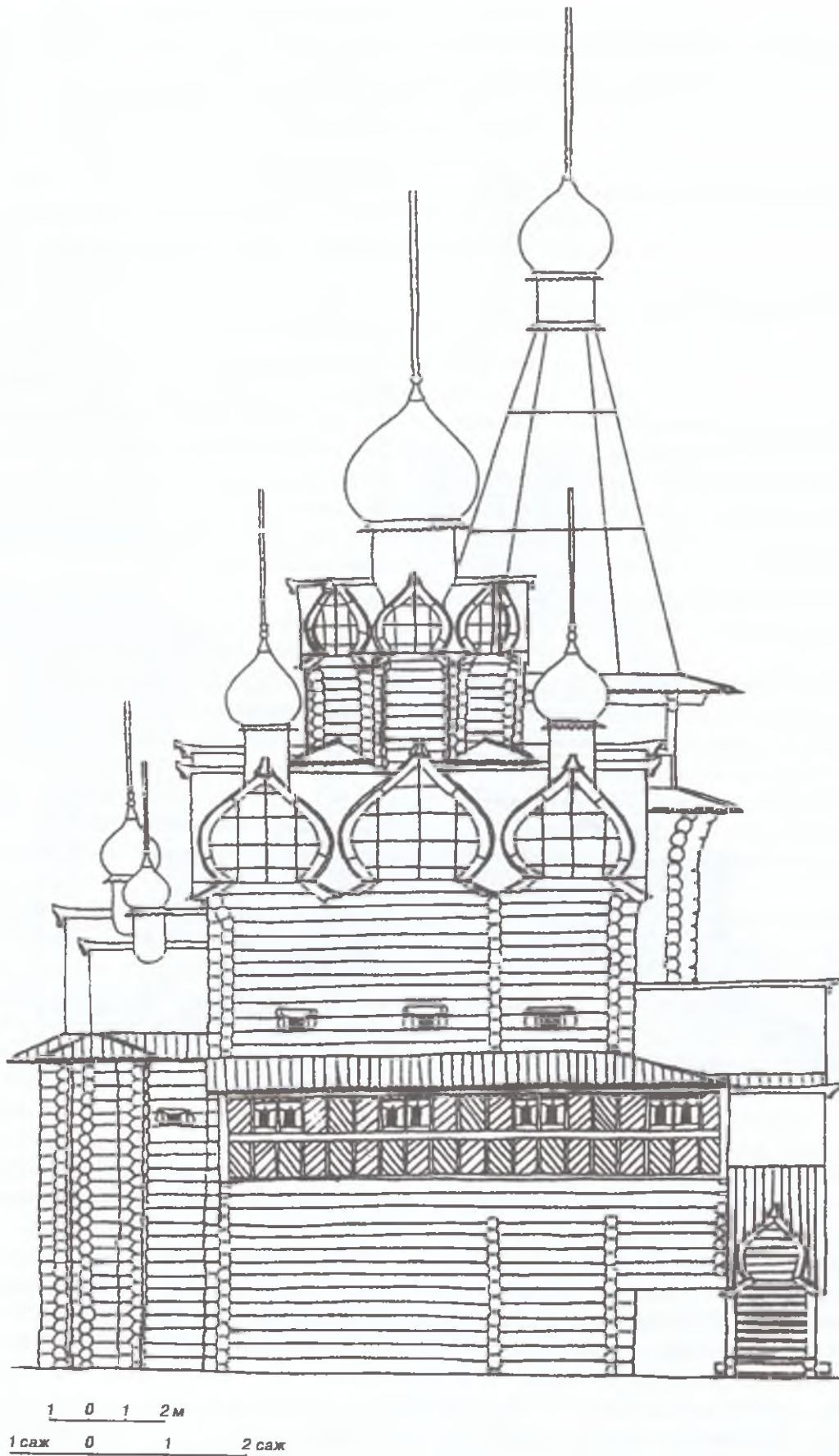

Рис. 2. Собор Софии Премудрости Слова Божия в Тобольске. 1621-1624 гг.
Реконструкция А.Ю. Майничевой и В.Н. Курилова.

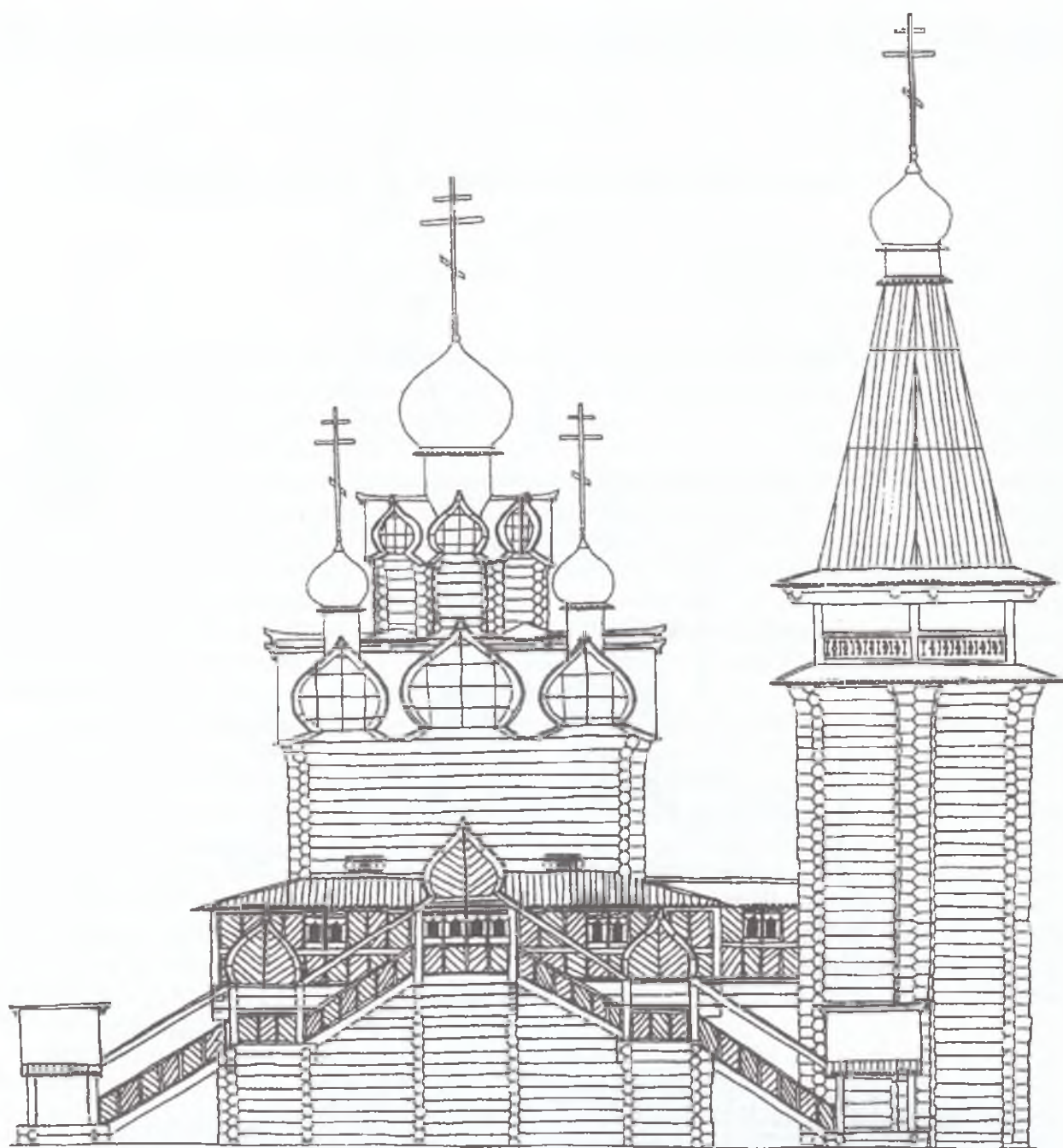

Рис. 3. Тобольский Софийский собор. Западный фасад.

назвать храм Богородицы (Десятинную), заложенный в 989 г., после крещения князя Владимира⁵. Пятиглавым был и Софийский собор в Новгороде (XI в.), на родине митрополита Киприана.

Во многих городах России в XV-XVII вв. главные каменные городские и монастырские церкви строились пятиглавыми. Перечень храмов о пяти главах, возведенных в этот период, начинается знаменитыми московскими Успенским собором Аристотеля Фиораванти (1475-1479 гг.) и Архангельским собором Алевиза Нового (1505-1508 гг.). Далеко не полный список пятиглавых церквей, построенных в России в XVI-XVII вв., таков:

- 1553 г. - собор в Авраамиеве монастыре в Ростове;
- 1562 г. - Христорождественский собор в Каргополе;
- 1568-1570 гг. - Софийский собор в Вологде;
- 1590-1596 гг. - собор Рождества Богородицы в Пафнутьев-Боровском монастыре;
- около 1620-1622 гг. - Софийский собор в Тобольске;

- 1647-1650 гг. - церковь Ильи Пророка в Ярославле;
- 1649 г. - Благовещенский собор в Благовещенском монастыре Нижнего Новгорода;
- 1650-1652 гг. - Троицкий собор Ипатьевского монастыря в Костроме;
- 1651 г. - Введенский собор с шатровой колокольней в Чебоксарах;
- 1652 г. - церковь Воскресения на Дебре в Костроме;
- 1675 г. - церковь Рождества Христова в Балахне;
- ок. 1690 г. - деревянная Константина и Елены с шатровой колокольней в Вологде;
- 1677 г. - церковь Благовещения в Тайнинском в Мытищах;
- 1678 г. - Сергиевская церковь в Подмоскowie (с. Комягино);
- 1683 г. - церковь Иоанна Богослова в Ростове;
- 1689-1694 гг. - Зачатьевская церковь в Подмоскowie (ныне г. Чехов Московской обл.);
- 1692-1694 гг. - Никольская церковь в Пушкино;
- 1696-1705 гг. - собор Михаила Архангела в Бронницах;
- около 1714 г. - Троицкая церковь в Серпухове⁶.

Несомненно, символика чисел имеет особое значение для архитектуры, в том числе и для церковного зодчества, поскольку одним из принципов этого рода искусства является ритмическое повторение различных форм, элементов, деталей, конструкций, измерений. Определенные числовые закономерности использовались в течение столетий, и всякий раз им придавалась некоторая самостоятельность и своеобразие. В средневековой культуре числа понимались как теологические символы, отражающие сущность высшей непознаваемой истины, постоянно питая философскую мысль. В современной трактовке принято считать пять глав церкви символическим обозначением Христа и четырех Евангелистов. Вместе с тем, в семантике пятиглавия существует и более глубокий "слой" символического осмысления.

Системы священных чисел, сложившиеся в древнегреческой, древнееврейской и других древних культурах присредиземноморья, были частью усвоены, частью переосмыслены и в целом получили новое мистико-знаковое содержание в учении христиан. Вера в таинственный, символический смысл чисел в одинаковой степени была присуща как культуре католического Запада, так и православного Востока, и Руси в частности. Она присутствовала во всех областях материально-практической и духовной деятельности человека - литературе, искусстве, науке, исторической мысли, церковной обрядности, повседневной жизни народа, а также архитектуре и строительстве⁷.

В христианских учении и культуре - библейском предании, догматическом богословии, церковном уставе, литургике, поэзии - числа **3, 5, 7** получили широкую и разнообразную символическую реализацию и играли как фундаментальную, так и прикладную роль⁸. Менее других была разработана символическая структура пятерки, но в мировой культуре это число так или иначе было связано с женскими божествами⁹, что особенно важно для понимания образа Софии, иконографически представленной как Девы. Достаточно вспомнить, что празднование в честь греческой богини Геры, совершалось каждые пять лет, в Месопотамии пятница была посвящена Иштар (Венере), скандинавские народы называли пятый день недели в честь богини Фрейи, что переняли и их соседи (например, англ. - Friday), русские почитали Параскеву Пятницу и т.д. В некоторых европейских странах в народных верованиях число **5** является символом совершенства, поскольку рука человека имеет пять пальцев, а имя Богоматери - Мария, - состоит из пяти букв¹⁰. Заметим, что и слово "София" в русском языке пятибуквенное. В русской религиозной мировоззренческой системе женские образы святых всегда особо почитались, к ним обращались как к надежным заступницам, а Богоматерь считали покровительницей России. Атрибутивная символика образов святых жен нашла материальное воплощение в архитектурных формах. Исходя из вышесказанного, вполне объяснимо, что один из самых значительных храмов Сибири был посвящен Деве, а его числовая символика содержала пятерку - собор имел пять глав.

В христианстве число **5** воспринималось также и как знак мистического единения земной церкви со Спасителем, что осмыслялось как брак Церкви и Христа (в чем можно усмотреть проявление идеи дуализма женского и мужского), как отражение евхаристического пресуществления всех христиан в жизнь вечную (евангельская легенда о пяти хлебах, насытивших пять тысяч человек, притчи о пяти мудрых и пяти неразумных девах, о рабе, умножившем данные

ему пять талантов на другие пять, ритуал благословения пяти хлебов на литии во время всенощного бдения и употребление на проскомидии во время литургии пяти просфор, иконостасы в пять рядов)¹¹.

Возможно, понимание пятиглавия через призму такой символики, а именно - дихотомии земного и божественного, приобретения жизни вечной всеми горожанами-христианами, и, следовательно, пожелания воплощения вечного высшего блага всем жителям города в их единстве и стремлении к нему, и имело решающее значение для распространения и утверждения пятиглавия при строительстве главных храмов в городах и монастырях.

Соборная церковь Софии Премудрости кроме пяти глав имела три алтаря, и сочетание этих элементов дает основной символический образ храма. При этом значение числа *три* традиционно заключается в том, что это "*полное и совершенное число*" (Августин). Это число божественной Троицы и число души, устроенной по ее образцу, символ всего духовного (три годовых праздника, завещанных Моисею на Синае, слова Христа о трехдневном воздвижении нерукотворного храма, воскресение Христа на третий день, троекратное отречение апостола Петра, три звезды на мафории Богоматери)¹². А значит, в образе храма символически передано сочетание назидания стремления души к духовности, приверженности Троице, единения земной церкви и Бога, обретения жизни вечной всеми христианами, то есть самой сути христианства, что должно было сделать такие храмы действительно главными по значимости. Кроме того, следует отметить древность происхождения традиции сооружения трех алтарей. Как показал А. Голан¹³, она восходит к раннеземледельческим религиям и наблюдалась во многих культурах. В христианстве она ведет начало от раннехристианского обычая устройства трех ниш в алтарной части.

Исследователям практически не удалось установить никакой типологической закономерности между формами храмов и их посвящением, но, видимо, ее и не могло быть, так как здесь существует более тонкая связь так как, согласно христианскому учению, "*каждый храм посвящается Богу, нося имя в память священного события или угодника Божия*"¹⁴, то есть название церкви во имя события или угодника считается второстепенным, поскольку основным является ее посвящение Богу, а значит и не может быть четко фиксированной типологии по формам храма в увязке с второстепенным посвящением, а имеет значение особый символизм форм.

Посвящение Софии Премудрости Слова Божия. Тесно связано с числовой символикой и наименование Тобольского собора. Если обратиться к оценке значимости предшествовавших ему Софийских храмов в истории христианства, то становятся понятными символичность его возведения и та роль, которая ему отводилась в системе мировоззрения мирян. Известные Константинопольский, Киевский, Новгородский, Вологодский соборы во имя Софии Премудрости Слова Божия воплощали идею храма, объединявшего народ в веру и государственности.

Образ Софии Премудрости был одним из ключевых в древнерусской культуре и философии. В живописи он известен как иконографический сюжет, названный В. Арсеньевым чисто-символическим, тайнозрительным, сосредотачивающим истины "*синтетические, охватные*" без их объяснения, кроме нравственного смыслового аспекта¹⁵. Пожалуй, символическое значение образа Софии Премудрости - истинно христианское по своему содержанию, поскольку уже в "Повести временных лет" крещение княгини Ольги при дворе византийского императора, предвосхитившее будущее крещение Руси, осмысливается как приобщение к Софии Премудрости: "*Ищуши бо мудрости обрящють*"¹⁶. В сочинениях древнерус-

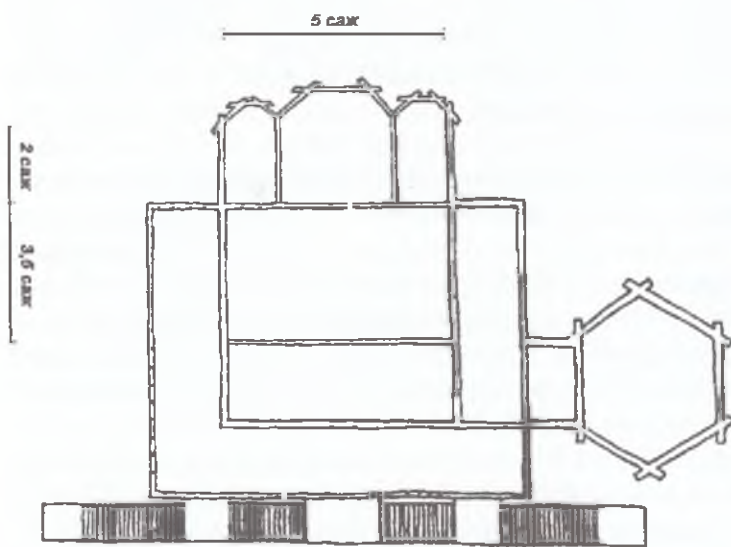

Рис. 4. План Софийского собора в Тобольске. 1621-1624 гг.

ских авторов София выступает как зашифрованный образ высшей мудрости, совмещающий с идеей Бога, воплощавшим вечность, бесконечность, абсолютное бытие. Из концепций древних мыслителей, в первую очередь, из определений философии византийского мыслителя сирийского происхождения Иоанна Дамаскина (VIII в.), наиболее уважаемого философа на Руси¹⁷, следует, что идея Бога, обладавшего максимумом всех способностей - всеблагостью, всеправедностью, всемогуществом, всемудростью, вела от "ограниченности субъективизма индивида к безграничности и объективности бытия и настойчивому стремлению к нравственному идеалу поведения"¹⁸. Любовь к Софии Премудрости рассматривалась славянским просветителем древности Константином-Кириллом как безраздельное служение истине, духовный подвиг, в котором основой является эстетическое содержание мудрости, красота истинного знания¹⁹. Понимание образа Софии включает не только воплощение Бога, но и создание храма и утверждение семи столпов: *"Премудрость есть Божество, а храм человечество, аки во храм бо вселися въ влоть"*²⁰ (Климент Смолятич, XII в.). В XIV в. сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита продолжают тему Премудрости в средневековой живописи²¹, детально обсуждая ее иконографию.

Следуя положениям древнерусских философов, духовный вожь старообрядцев Аввакум (1620-1682) в "Книге толкований" дает истолкование образа Премудрости, во многом совпадающее с древним: *"Премудрость - Бог, а храм - правоверни человеки"*, семь столпов - семь вселенских соборов, которые веру *"утверждают и ограждают"* от ересей. Споря с епископом Павлом Крутицким о евангельских словах *"взыщите мудрости"*, он утверждал, что нужно стремиться не к внешнему многознанию, а к *"премудрости внутренней"*, к утверждению своей совести, духовной сущности человека, его душе, тогда *"без книг премудр будешь"*²².

В работах же других мыслителей XVII в. образ Премудрости стал терять свою цельность, дробиться и уточняться, признание силы рационального познания человека сменяла идею о непознаваемости высшей мудрости. Крупнейший деятель культуры при царе Алексее Михайловиче Симеон Полоцкий (1629-1680) сравнивал мир с "книгой великой", созданной Творцом, ключом же к его пониманию он считал знание, выраженное в слове²³. Юрий Крижанич (1617-1683), один из энциклопедистов XVII в., написавший свои основные сочинения в тобольской ссылке (1661-1677 гг.), в фундаментальном трактате "Беседы о правлении" главу "О мудрости" посвятил различию между мудростью, знанием и философией. Мудростью он считал познание *"наиболее важных и высших вещей"*, т.е. Бога, природы, общества, человека. Особо выделял Крижанич *"политическую мудрость"*, считая, что правитель должен сам быть мудрым человеком и окружать себя умными советниками.

Заслуживает также внимания сочинение "Слово торжественное о Софии Премудрости" Иоанникия (1663-1717) и Софрония (1652-1730) Лихудов, греческих монахов, по прибытию в Москву в 1685 г. возглавивших Славяно-греко-латинскую академию. Авторы трактуют Премудрость как одну из основных древнерусских философем. Новоспасский архимандрит Игнатий в созданном в 1689 г. "Свидетельстве ко образу Софии Премудрости" представляет "Российское Московское царство" как земное воплощение высшей Премудрости, а камень, на который она опирается, ассоциируется с образом Петра, ибо на нем, *"великом государе, якоже на камени утверждается и неодолено будет"* могущество страны²⁴.

"Вся Премудростию сотворил еси" - поется в церковном песнопении. Это значит, как писал Е. Трубецкой, рассматривая "возвращение" древнерусской иконы в сферу культуры и общественное признание ее смысловой значимости в начале XX в., что *"премудрость - предвечный замысел Божий о творении, вызывающим всю тварь небесную и земную к бытию из небытия. София - то самое, что предшествует всем дням творения"*²⁵.

Рассуждая о значении и сущности русских имен, П.А. Флоренский говорит о Софии, что этимологически слово "софия" не означает мудрость в современном смысле слова, это не преисполненность чистым созерцанием и теоретическим ведением, наиболее правильно было бы сказать *художество* в смысле *"жиздательной способности, воплощение идеального замысла в конкретном мире, а по-церковно-славянски хитрость. ...Приходя на безобразную землю из царства образов, София сознает себя несущей миссию и потому входит в мир не как член мирового целого, не как звено взаимной ответственности и... связи существ мира, а мироустроительно, законодательно..., словом - как власть"*²⁶.

На протяжении веков образ Софии оставался в ряду семантически насыщенных символов культурной жизни Руси и России. Он был основополагающей философемой, в чем-то равнозначной понятию философии и заменяющей его. Образ Софии Премудрости Слова Божия проявлялся уже в ветхозаветном библейском сюжете о сотворении мира: *"Вначале было Слово"*, не совпадая с вселенским Божественным Разумом - Логосом, воплощающем эволюцию мира. Он был одним из сложнейших понятий, изначально и априорно не доступных для понимания, поэтому и не распространенных широко, а ставших элитарными. О непопулярности этого образа говорит и то, что он крайне редко встречается в народных духовных стихах, в отличие от излюбленных сюжетов - житийных, богородичных, святоотеческих, что было показано Г. Федоровым²⁷. Необходимо заметить, что с XVII - XVIII вв. и до наших дней во всей Зауральской России была лишь одна церковь, посвященная Софии Премудрости - в Тобольске. Вместе с тем, образ Софии связан с воплощением в храмовом строительстве более, чем когда-либо, с X - XII вв. и XVI - XVII в., когда наблюдался наибольший интерес к его трактовке со стороны мыслителей и, если можно так сказать, теоретиков культуры, в периоды становления христианства и расширения пределов его влияния. Несомненно, посвящение Тобольского собора Софии Премудрости Слова Божия в мировоззренческом аспекте должно было знаменовать один из этапов созидания, гармонизации, расширения русского христианского мира и государства.

Зодчие-созидатели. Русские азбуковники XVI в. оставили особую трактовку философии, которая разделяется *"в четверо: в грамматику, в риторику, во градовное, в домостройное мышление"*²⁸. Если понимать последние два как имеющие непосредственное отношение к строительству, то в образе Софии Премудрости ясно видится созидательная сила и воплощение акта творения мира в возведении сооружений, а зодчие, строители трактуются как "философы", обладающие особой мудростью, знанием. К сожалению, имена многих строителей, возводивших прекрасные здания древности, не сохранились. В документах чаще всего указывалось лишь, откуда родом плотники. Например, в грамоте в город Березов о постройке храма в Коде 1599 г. говорится: *"...велели б ести в Березове для храма наимовать плотников..."*²⁹. Известно также, что в Сибири плотничали выходцы с Русского Севера, многие мастера-плотники имели прозвище карела: *"...по прозвищу карелою, потому что... плотничает всякое дело"*³⁰.

Были мастера из Вятских земель. В царской грамоте верхотурскому воеводе князю Львову 1603 г. сообщается, что *"...послано на Верхотурье для судового дела... с Перми, с Вятки, с Выми, от Соли от Вычегодские, с Устьюга Великого плотников человек по осьмидесят и больши... да в нынешнем году велено послать на Верхотурье, с тех городов, плотников восемьдесят человек..."*³¹. Этот последний факт поясняет, каким образом в отдаленных районах Сибири практически одновременно с Европейской Россией появлялись и быстро распространялись архитектурные тенденции. Плотники для судового дела занимались также строительством различных сооружений. В грамоте Б. Годунова верхотурской администрации 1604 г. говорится, что из Верхотурья послали плотников для постройки судов, *"а на Верхотурье оставлено плотников четыре человека. И теми плотниками сделано на хлеб житница, да изба, да на зелейный погреб напосребица"*³².

Кроме присланных плотников для строительства нанимали местных жителей: *"...в остроге худые места и всякие крепости поделатъ тутошними березовскими жилаецкими людьми..."* (грамота в Березов об исправлении Березовского острога 1648 г.)³³.

Изредка в грамотах упоминаются имена строителей: *"...велено в Томску для приезде в Томской с приписью подъячего Александра Симонова построить вновь двор... на подъячий двор работали плотники Насон Кирилов, Афонасий Шатчинин с товарищи 10 человек... рубили горницу... и покрыли..."*. Мастера работали с мая по июль и получили 3 рубля 4 деньги³⁴.

Редким по исключительной информативности документом является подробная опись для строительства Софийского собора в Тобольске, составленная Микифором Логиновичем Веревкиным по указу царя Михаила Федоровича. Благодаря ей стали известны не только имена заказчиков, являвшихся, вероятно, авторами идеи храма - архиепископа Киприана и протопопа Ивана Иосифова, но и мастера, составившего предварительную смету материалов, и подрядчиков, а также плотников, воплотивших замысел. Опись подытоживала данные документов, подготовленных местными воеводами и князем Михаилом Темкиным-Ростовским *"с товарищи"*³⁵.

Роспись необходимого для постройки в Тобольске соборной церкви и двора архиепископа, датированная 4 января 1621 г., была сделана по смете московского дворцового старосты плотников Первушки Исаева³⁶. В ней указаны перечень сооружений, основные размеры церкви и алтаря, расход строевого леса на них, на паперть, колокольню и архиепископский двор. Конечно, смета была приблизительная, местные условия наложили свои коррективы. В этом случае показательно, однако, что существовало нечто вроде "типового проекта", основанного на многолетнем опыте и традиции.

В отписке тобольских воевод о строительстве Софийского собора от 13 ноября 1621 г. говорится о подрядчиках: "...выбрали... в Тоболску для тово церковного дела и дворового строенья тобольских посацких лутчих людей дву человек, Пронку Кожевника да Ивашка Новоселова... и велели им ... плотников наимовать..."³⁷.

Кроме того, известно, что в свите архиепископа, состоящей из 59 человек, было два плотника из Вологды, Демка Бубенистов и Ивашка Лупач, имевших оклад 4 рубля, 5 четвертей овса и 5 четвертей ржи в год³⁸. Эти мастера должны были принимать участие в строительстве храмов и других построек двора. К сожалению, имена местных плотников, нанятых подрядчиками, остались неизвестными.

Обращает на себя внимание то, что в Вологде, откуда происходили мастера, в 1568-1570 гг. был построен каменный Софийский собор. Он также был пятиглавым и составлял с колокольней, Архиерейскими палатами, домовою церковью Рождества Христова и другими постройками центр города. Этот комплекс вполне мог служить образцом для строительства архиепископского двора в Тобольске. Рядом с Вологдой находился ансамбль Спасо-Прилуцкого монастыря, также типологически совпадающего с комплексом в Тобольске. В его составе были пятиглавый же Спасский собор (1537-1542 гг.), окруженный с трех сторон крытой галереей, а также колокольня, жилые и хозяйственные постройки. Собор соединялся крытым переходом с трапезной палатой, одноглавой Введенской церковью и старыми настоятельскими покоем³⁹. Все это позволяет не только считать их аналогами комплекса в Тобольске и говорить о типологическом единстве, характерном для периода XVI-XVII вв., но и рассматривать как непосредственных его предшественников, служивших образцом для резиденции Киприана.

Церковь Похвалы Богородицы и колокольня - часть храмового комплекса. Из подробного описания двора Тобольского архиепископа следует⁴⁰, что Софийский собор в 1621-1622 гг. был связан крытыми переходами с колокольней, церковью Похвалы Богородицы и хоромы архиепископа. Ускользнувшее от внимания исследователей описание церкви Похвалы Богородицы "на подклетах", по своим размерам не уступавшей самому собору, позволяет реконструировать и ее. Церковь, как и собор, была в ширину пяти сажен (10,8 м), два ее алтаря - четырех сажен (8,6 м). Высота сруба до пола церкви составляла 17 рядов, то есть при стандартном диаметре бревен в 6-7 вершков (25-30 см) - около 4-5 м. Высота от пола до потолка церкви составляла три сажени (6,3 м). Паперть охватывала церковь с трех сторон, соединяясь с папертью собора. Один из алтарей находился в приделе Алексея Человека Божия. Потолок алтаря и придела находился на уровне двух сажен (4,3 м). Стены внутри сооружения были обтесаны. Церковь имела три створные двери, три больших колодных окна. Фронтоны ("лбы") были обиты "белым железом". Описание позволяет считать, что церковь Похвалы Богородицы являлась клетской с двускатным покрытием и одной главой.

Рядом с Софийским собором стояла шестигранная шатровая колокольня *о трех мостах* (в три этажа). Общеизвестно существование в русской архитектуре как восьмигранных деревянных храмовых построек, так и шестигранных. Более древние колокольни, часовни и церкви имели схему построения *шестерик на четверике*, а более поздние - *восьмерик на четверике*. Причем восьмериковая конструкция все более вытесняла шестериковую.

Постройка шестериком или восьмериком была широко распространена. Шестерик оказался несколько неудобен в конструктивном отношении, так как лишь две его стороны лежат на сторонах четверика, что ведет к неравномерности распределения нагрузки и скалыванию выпусков. Но они просты в измерении конструктивных элементов, так как сторона правильного шестиугольника равна радиусу описанной около него окружности, а значит, половине стороны квадрата, описанного около шестиугольника. При применении схемы шестериков легко выбираются и

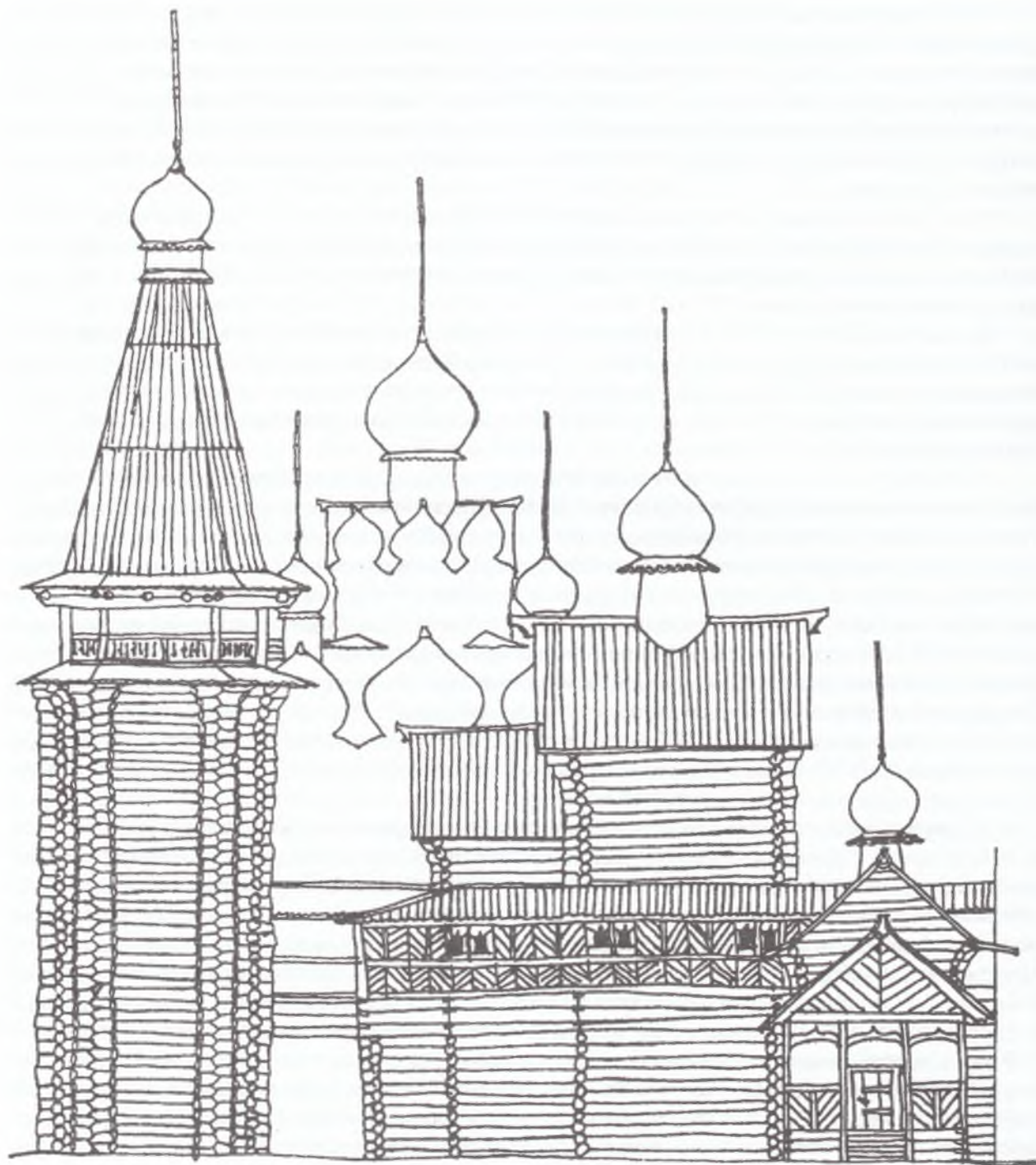

Рис. 5. Церковь Похвалы Богородицы и колокольня. Tobolsk, 1621-1624 гг. Южный фасад.

разделяются бревна, так как достаточно установить размер четверика и взять несколько больше половины длины его стороны, чтобы получить размер стороны шестерика.

В определении длины бревна восьмерика также исходили из условия приблизительного равенства его стороны значению несколько меньшему половине бревна четверика, что позволяло брать с учетом сочленения уже ровно половину. Восьмерики при простых измерениях бревен, отличались от шестериков большей экономичностью в расходе материала и крепостью конструкции, так как нагрузка на выпуски распределялась более равномерно - четыре их стороны лежали на сторонах четверика. В этом, вероятно, и была одна из причин замены шестериков восьмериками.

Обе описанные схемы обеспечивали при требуемой высоте сооружения достаточную площадь яруса звона для размещения колоколов. Длина бревен, которые нужно было поднимать на

значительную высоту, была существенно меньше длины бревен четвериков, что облегчало строительство. Расчеты показывают, что поскольку длина стороны четверика колебалась в пределах трех-пяти сажень⁴¹, то длина стороны шестиугольника могла быть от 1,6 сажени (3,7 м) до 2,8 сажени (5,9 м), а восьмиугольника - от 1,2 сажени (2,5 м) до 2 сажени (4,2 м). Использование конструкций *шестерик на четверике* и *восьмерик на четверике* давало возможность применять бревна половинной длины по сравнению с четвериком, при этом площадь пола уменьшалась незначительно. Так, при площади пола четверика - 39,7-110,3 кв. м площадь пола восьмерика составляет соответственно от 32,9 кв. м до 91 кв. м, площадь пола шестерика - от 30,9 кв. м до 85,6 кв. м. Площадь пола восьмерика по сравнению с площадью пола шестерика имеет большие значения, что, по-видимому, также сыграло роль при переходе к восьмерикам. Наверное, учитывался и выясненный опытом факт лучшего обтекания восьмерика воздушным потоком. Мало того, что в плане восьмерик приближается к окружности больше, чем шестерик, но его стенки короче, и потому парусность при лобовом ударе ветра снижается.

Появление шестигранных форм в культовых сооружениях связано с конструкцией "сионов" или "иерусалимов" - моделей храмов из драгоценных металлов, которые выносили во время торжественных богослужений⁴². Прообразом их являлся Иерусалимский храм. "Сионы" имели шесть колонн и, как следствие, были шестигранными. Таким образом, традиция устройства шести граней в культовом сооружении была перенесена на реальные церковные постройки, конструкции которых претерпели изменения, учитывающие свойства дерева.

Шестерики, вероятно, также имели отношение к воплощению временных понятий, чему возможным подтверждением является форма шестигранных же христианских календарей, имевших хождение на Европейском Севере и на территории расселения коми. В этом случае в пространственную форму облекалось представление о времени, фиксируя годовой цикл, который разделялся на два полугодия, имеющих по шесть месяцев. На гранях такого календаря отмечались насечками дни христианских праздников. Представляется, что такие аналогии допустимы, поскольку специфические пространственно-временные соотношения имеют непосредственную связь с любой религией, в том числе и с христианством. Показательно, что в быту народов Сибири также употреблялись подобные календари, предположительно заимствованные у русского населения⁴³.

В культурах народов в различные эпохи существовало понятие "*шесть сторон горизонта*", например, в Древней Индии шестиконечная звезда служила его символическим выражением, то же значение она имела у древних египтян. А в Ирландии и Шотландии есть средневековые календарные сооружения, построенные по принципу деления на шесть основных частей⁴⁴.

Кроме того, возможно, здесь имеет место взаимопроникновение и взаимовлияние различных феноменов культуры и искусства, основанное на общности воззрений и понятий. Такое явление имеет широкое распространение, предметы прикладного искусства, выполненные в различных техниках и материалах, имеют общие сюжеты, формы архитектуры обладают единством с формами предметов быта. Так, можно привести в качестве примера прялку-башенку, распространенную в Ярославской губернии. Развитие формы столпообразной ножки прялки в XVIII-XIX вв. вызвало появление ее новой разновидности. В XIX в. утвердился тип многоярусной башенки с рядами сквозных арок. Исследователями было отмечено влияние на ее форму, сочетающую статичность массы с напряжением, архитектурного образа шатровых храмов и колоколен XVII в.⁴⁵.

Явление взаимопроникновения культурных феноменов было характерно и для более ранних эпох. По замечанию Б.А. Рыбакова⁴⁶, наблюдается совпадения стилистики и сюжетов архитектуры, украшений, утвари, книжной орнаментации. В пример он приводит стилистическое тождество инициалов Юрьевского Евангелия 1120-х гг. и белокаменной владими́ро-суздальской резьбы, сюжетов орнаментации серебряных браслетов XII века и арок владимирских соборов, а миниатюры Остромирова Евангелия 1056 года, имеющие золотой контур изображений, напоминают изделия с перегородчатой эмалью.

Жилые и служебные постройки резиденции архиепископа. Двор архиепископа Киприана в Тобольске являлся единым архитектурным комплексом, в котором композиционно связаны Софийский собор, церковь Похвалы Богородицы, колокольня, жилые и служебные здания. Площадь двора составляла 30 кв. саженей (около 4200 кв. м).

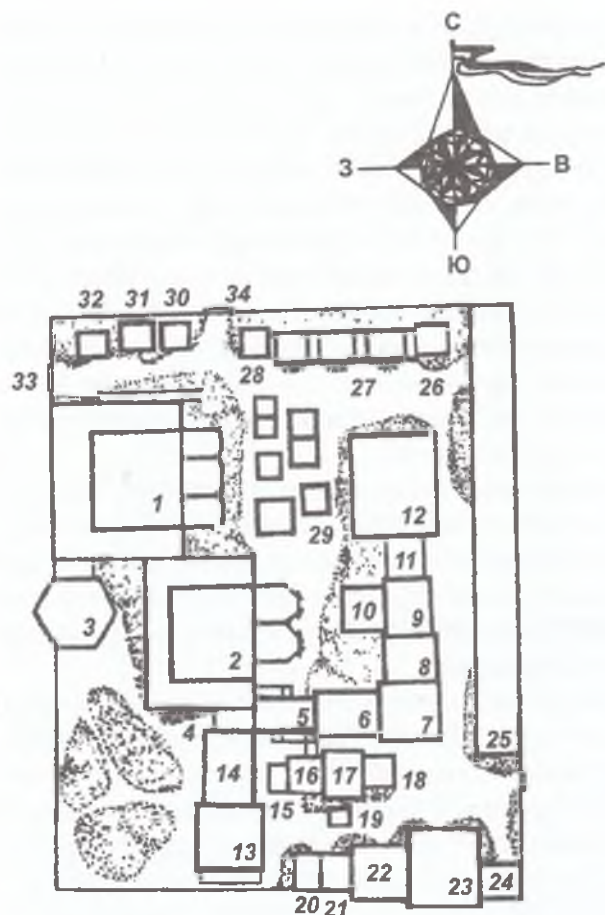

Рис. 6. План двора архиепископа Киприана.

- 1 - Софийский собор; 2 - церковь Похвалы Богородицы; 3 - колокольня; 4 - проходные сени; 5 - входные сени; 6 - сени большие; 7 - передняя келья; 8 - комната; 9 - задние сени; 10 - задняя келья; 11 - повалуша; 12 - хлебня поземная; 13 - келья с сенями; 14 - сени; 15 - казенная повалушка; 16 - казенные сени; 17 - казенная келья передняя; 18 - казенная комната; 19 - мшаничек обиходный; 20 - сарай; 21 - келья приспешная; 22 - ледник обиходный; 23 - поварня естовая; 24 - келья для работных людей; 25 - конюшня; 26 - поварня квасная; 27 - житницы с чуланами; 28 - келья подъячих; 29 - житницы малые и большие; 30 - ледник; 31 - келья для черных попов; 32 - приказ судных дел; 33 - святые ворота с приворотьем; 34 - задние ворота.

и была покрыта тесом. Верхний шатрик над площадкой выполнялся в технике *тесом в косяк*, шатрики над средней и нижней площадками также были тесовыми. Лестница в проходные сени имела в верхнем марше восемь ступеней, в нижнем - на одну меньше.

Большие сени анфиладно соединялись с *передней кельей*, *комнатой* и *задними сенями*, причем этот комплекс развивался в северном направлении. Из задних сеней вели двери в *заднюю келью* с теплым подклетом и *повалушу о трех мостах*, имевшую на уровне среднего этажа круглое окно. К повалуше с севера "*стена к стене*" примыкала *поземная хлебня*. Отдельно, к югу от комплекса, находились состыкованные "*стена о стену без промешков и росставок*", *сарай*, *приспешная келья* (пекарня), *погреб с сушилом*, *поварня*, *келья для работных людей*. Все эти постройки имели отдельные входы. В пространстве между казенной и приспешной кельями находился *мшаничек*. Восточную часть архиепископского двора занимала конюшня. В северной части располагались *квасная поварня*, три *житницы*, *келья подъячих*, *келья черных попов* и *приказ судных дел*. В описании приведены размеры всех основных помещений, количество окон и перечислены некоторые элементы убранства. Благодаря этому и указанию расстояния между зданиями можно с достаточной степенью точности графически реконструировать весь двор архиепископа.

Все постройки были деревянными. На двор архиепископа вели двое ворот - *святые*, имеющие ширину "*две сажени без четверти*" (3,5 м), с приворотьем шириной в одну сажень (2,1 м), находящиеся рядом с папертью собора с западной стороны комплекса, и *задние ворота*, расположенные с северной стороны. Наличие двух видов ворот было характерно для архиепископских и патриарших дворов, что оправдано функционально: святые ворота служили парадным входом, задние же использовались в качестве хозяйственных. Так, по тому же принципу устроены входы в святительскую дачу в Троицком-Голенищеве под Москвой⁴⁷. Судя по составленной росписи необходимых для постройки двора материалов, ворота имели верей (святые - 3, задние - 2), щиты из досок (святые - 2, задние - 1), кровли из теса и подворотни верхние и нижние.

С южной стороны к паперти церкви Похвалы Богородицы примыкали *проходные сени*, которые вели к *келье с сенями*. Возможно, это был комплекс личных покоев архиепископа, о чем говорит их расположение в южной части двора на некотором отдалении от остальных построек, прямая связь с храмами специальным переходом, а также хорошая освещенность помещений, имевших большое количество окон. Келья и сени стояли на теплом жилом подклете. С заднего двора можно было подняться во *входные сени* по двум двухмаршевым лестницам, располагавшимся с северной и южной сторон сеней. С верхней площадки, имевшей стены, можно было пройти также в *большие сени* и в комплекс "*казенных*" построек - *сени*, *келью*, *комнату* и *повалушку*. Подробное описание лестниц позволяет реконструировать их достаточно точно. Лестница, ведущая во входные сени, имела в нижнем марше восемь ступеней, в верхнем - девять

В высотном отношении здания комплекса значительно варьировали. Софийский собор и церковь Похвалы имели наибольшую высоту. Повалуша "о трех мостах" была значительно ниже. Кельи и комнаты хором стояли на теплых жилых подклетах, казенная келья с комнатой - на холодном подклете, что также выделяло их среди застройки. Из построек хозяйственного назначения наиболее высоким было здание конюшни с сараем. Нужно отметить, что конюшня была самым протяженным сооружением - ее длина составляла 24 сажени (около 50 м). В комплексе были и низкие поземные сооружения, не имевшие пола: хлебня, келья приспешная, житницы и келья для черных попов. Кровли всех построек были сделаны из теса или драниц с укладкой на луб или скалу (т.е. на берестяные полотнища, обеспечивающие водонепроницаемость). Кроме того, для постройки сооружений двора архиепископа требовались бревна, брусья, столбы, доски, колоды, а также закладные детали: крюки, цепи, скобы, жиковины, вертлюги для рундуков, замки, гвозди "красные, кружалные, приборные, скаловые, тесовые".

Двор частично был огражден забором "взаплот". Там, где его не было стены зданий заменяли ограждение. Следует отметить, что непосредственно к территории архиепископского двора с южной стороны примыкали дворы "софийского протопопа и протодьякона, и соборных попов", а с северной и восточной - "о самой забор дворы мирских всяких чинов людей". Таким образом, свободный подход к комплексу и возможность его обзора были, в основном, с западной стороны. В целом, двор архиепископа в 1620-х гг. представлял собой очень компактный полифункциональный ансамбль с высокой плотностью застройки, в котором все основные сооружения жилого и культового назначения были связаны переходами, создавая образ замкнутости и отстраненности от окружения.

Примечательно, что и в середине XIX в. принципы устройства архиерейских дворов в Сибири сохранили основные правила, по которым строилась резиденция архиепископа в XVII в. Это, во-первых, постройка на одном дворе культовых, жилых и хозяйственных строений; во-вторых, блокировка зданий, в том числе, жилых с культовыми; в-третьих, компактность застройки и, наконец, тесное соседство с окружающей рядовой застройкой. Так, согласно плана 1865 г. на участке архиерейского дома в Томске размещались сблокированные двухэтажный дом и флигель, примыкавшие к церкви и колокольне⁴⁸. С северной стороны двора располагались хозяйственные постройки: три кладовые, завозня с кладовыми, конюшня с двумя навесами, баня. Здания выходили на улицы фасадами, а между ними был возведен забор. На двор вели несколько ворот и калиток.

Принцип постройки больших протяженных деревянных зданий, характерный для двора архиепископа, заключается в примыкании друг к другу разновеликих помещений - клеток. Он подробно описан И.Е. Забелиным на примере царского двора XVI-XVII вв.⁴⁹, который, несомненно, служил образцом для постройки резиденций представителей высших слоев общества. Показательна

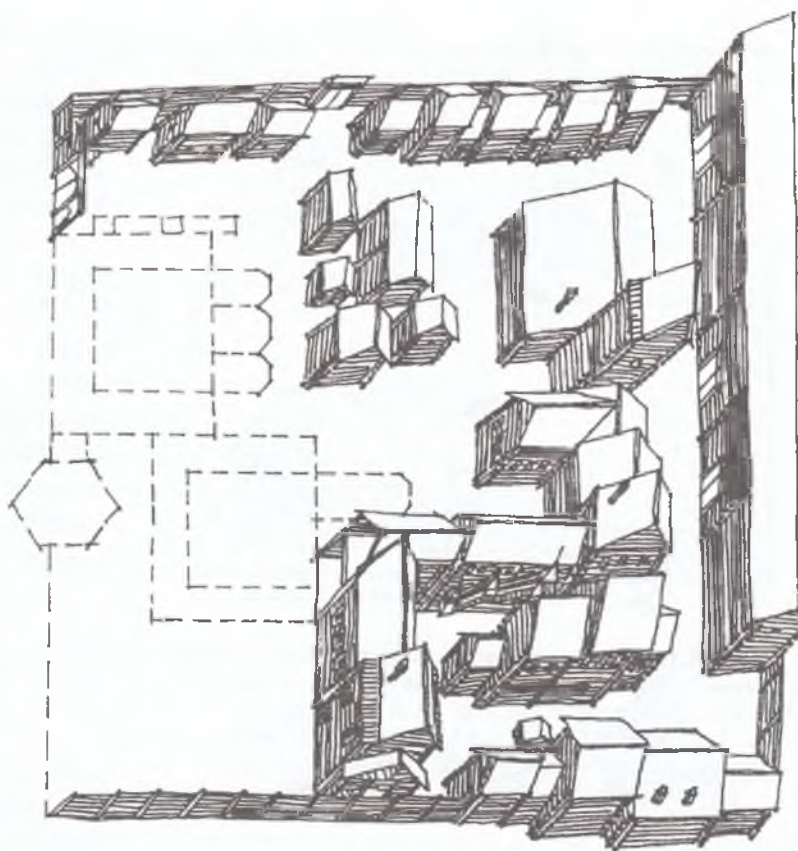

Рис. 7. Двор архиепископа Киприана. Вариант реконструкции застройки. Местоположение храмов показано пунктиром.

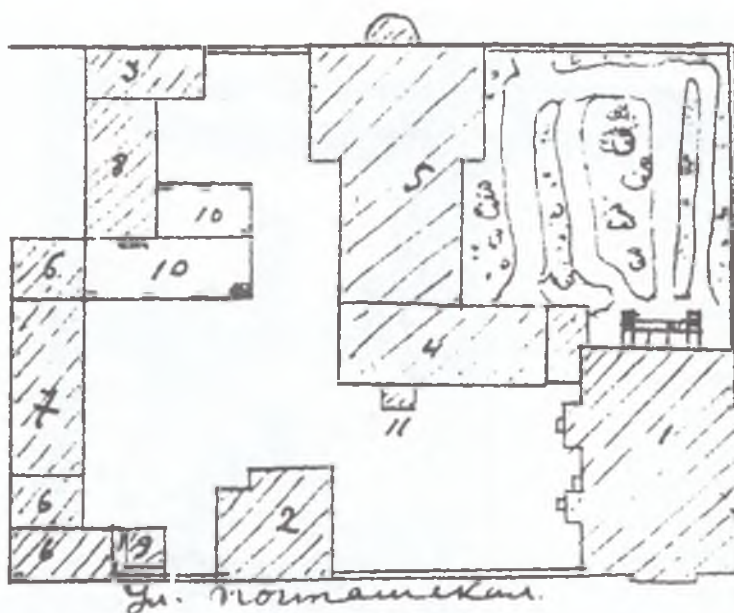

Рис. 8. План архиерейского двора в Томске. С чертежа XIX в.
1 - двухэтажный дом; 2 - двухэтажный флигель; 3 - баня; 4 - двухэтажный флигель, часть которого отведена под колокольню; 5 - строящаяся церковь; 6 - кладовая; 7 - завозня с кладовыми; 8 - конюшни; 9 - погреб; 10 - навес; 11 - пристройка к колокольне.

сени 4 сажени (8,5 м), повалуша 3 сажени, келья отхожая 2,5 сажени (5,3 м), сени 3 сажени, погреб и ледник по 3 сажени с погребицей и сушилом наверху, поварня 6 сажени (12,8 м), изба поваренная 3 сажени, изба для певчих дьяков и подьяков 3 сажени, у ворот избушка 2 сажени (4,3 м), конюшня 6 сажени. Можно заметить, что реальный набор построек двора в Тобольске превосходил стандартный. Размер же двора соответствовал указанному в росписи - 30 саженьям⁵¹.

Резиденция архиепископа выделялась среди массовой застройки. На ее территории размещались два значительных храма, один из которых был соборным. Количество сооружений на дворе архиепископа намного превосходило число построек на крестьянских дворах. Можно привести описания дворов крестьян архиепископской деревни Комарица на р. Бобровке, из которых следует, что набор их дворовых построек ограничивался следующими: "изба, против избы клетишко да хлевишко", "изба да хлевишко", "изба да клетишко, рублено 10 рядов, а не свершено", "избенко осиновая да клетишко зачато рубить"⁵². У более зажиточных крестьян деревни Балина набор построек был более обширен, но он так же не шел ни в какое сравнение с комплексом сооружений двора тобольского патриарха. Например, у архиепископского крестьянина Федора Еремеева,

живущего со своим братом Михаилом (оба имеют свои семьи), были "...во дворе изба, против избы клеть. Меж избою и клетью сени. Позаде того двора другая изба. Против избы клеть с погребом. Перед двором поварня да баня, да гумно с овином". У крестьянина Треньки Федотова, живущего в другой деревне, принадлежавшей архиепископу, была "...во дворе изба, против избы клеть на подклете. Двор в городьбе. Позаде двора погреб с напогребницею..."⁵³.

Сходство всех жилых помещений (как принадлежавших архиепископу, так и крестьянских) заключалось в том, что они были построены по одной схеме, представляя собой различные сочетания срубов, развиваясь по горизонтали благодаря прибивке новых клеток, а в высоту благодаря подклетам и надстройкам.

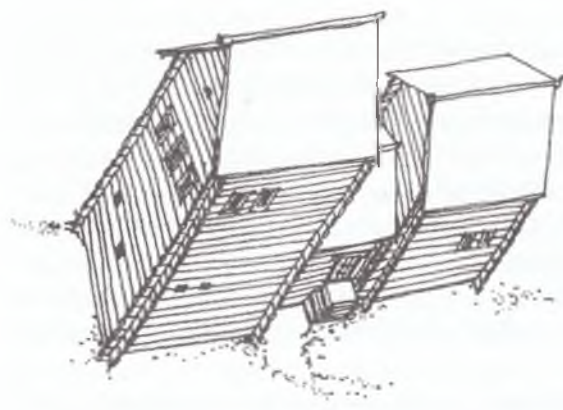

Рис. 9. Дом крестьянина: "горница на амбаре, против той горницы изба черная с подпольем, между ими сени".

Если назначения построек крестьян понятны, то для сооружений архиепископского двора требуются некоторые пояснения, которые можно сделать, исходя из перечня хранившихся там предметов⁵⁴. Так, в задней келье и повалуше находилось большое количество икон, панагий и печатей. В келье хранились книги (Псалтыри, Часовники, Канунники, Служебники), два коробья с деньгами ("*3140 рублей 28 алтын 5 денег*"), золотые монеты, сундуки с облачением и тканями, полотенцами, скатертями, шубами, мехами, постельными принадлежностями, а также посуда, пуговицы, украшения, бумага. В задней повалушке кроме икон (66 образов Софии Премудрости), предметов быта и мехов, размещались "*шесть коробей да ящик со всякими письмами*" - грамотами, судными делами, приходные и расходные книги и письма. В житницах хранились значительные запасы ржи, овса, ячменя, пшеницы, муки, круп, гороха, соли, масла сливочного, конопляного и орехового, меда, хмеля, вина, уксуса, воска, олифы, даже некоторое количество лимонов. В сушилах - рыба, икра, разнообразная посуда и утварь, а также инструменты, упряжь, мешки, одежда и обувь.

Необходимо высказать некоторые замечания относительно назначения сеней. Судя по их расположению, эти помещения играли роль не столько хозяйственных пристроек, сколько парадных прихожих, комнат ожидания, а в ряде случаев и залов собраний. Такая функция сеней существовала со времен Древней Руси и сохранилась до начала XX в. в среде старожилов-сибиряков, которые рассказывали, что в сенях старых домов было светло, просторно, стоял стол, там пили чай, отдыхали.

Набор жилых и хозяйственных зданий двора, их размеры, количество окон, этажность, наличие печи, убранство указаны в таблице 1, составленной согласно описанию⁵⁵.

Предложенная реконструкция показывает, что двор архиепископа в 1620-е гг. представлял грандиозный ансамбль, объединявший храмовые, жилые и хозяйственные сооружения. Для его застройки были характерны большая плотность, регламентированность и традиционность набора сооружений, великолепная художественная трактовка архитектурного образа. В композиции двора в полной мере проявилось барочное понимание пространства как одна из основных тенденций развития русской деревянной архитектуры XVII века. Двор

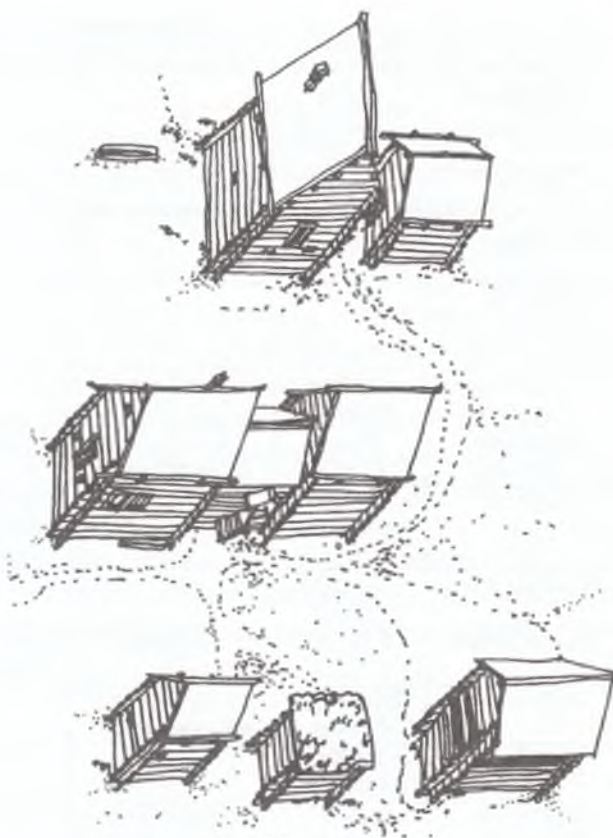

Рис. 10. Двор крестьянина Федора Еремеева.

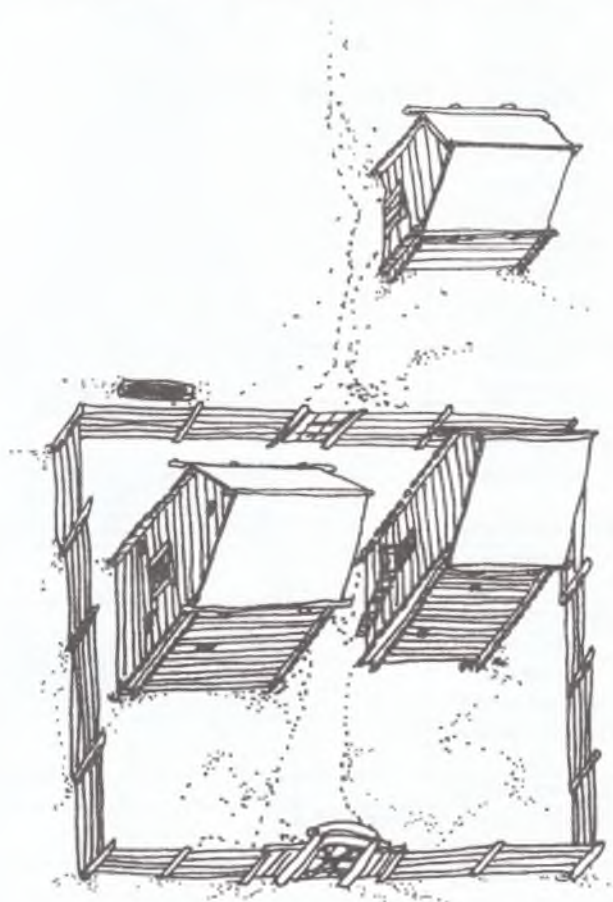

Рис. 11. Двор крестьянина Треньки Федотова.

Сооружения двора архиепископа*

Название помещения	Размеры, саж./м	Кол-во окон, шт.	Отопление	Детали убранства	Этажность	Примеч.
Сени	3,35x2,75/ 7x5,9	7	—	Чулан в углу дощаной	—	—
Келья	3,75x2,77/ 7x5,9	8, в т.ч. 1 с дымоволоком	Печь	Лавки кругом	Подклет жилой теплый	Рундук брусной в 4 ступени
Проходные сени	—	—	—	—	—	Крыльцо и лестница на задний двор
Входные сени	—	—	—	—	—	Всход с земли и переход в казенные сени
Сени большие	4,5x2,5/ 9,6x5,3	7	—	—	—	—
Передняя келья	3,3x3/ 7,1x6,4	5, в т.ч. 1 с дымоволоком	Печь	Лавки кругом	Подклет жилой теплый	—
Комната	2,5x3,66/ 5,3x7,8	5	Тепло из передней кельи	Лавки кругом	Подклет жилой теплый	—
Задние сени	2,77x2,5/ 5,9x5,3	2	—	—	—	—
Задняя келья	2,5x2,5/ 5,3x5,3	7 слудных	Из подклета трубой	Лавки кругом	Подклет жилой теплый	—
Повалуша	2,15x2,15/ 4,6x4,6	1 круглое на втором мосту	—	—	3 моста	—
Хлебня	5,5x5/ 11,6x10,5	—	Печь	Два чулана	Поземная	—
Казенные сени	2,33x2/ 4,9x4,3	3, окончины слудные	—	—	—	—
Повалушка	1,5x1,5/ 3,2x3,2	—	—	—	1 мост	—
Казенная келья передняя	2,5x2,5/ 5,3x5,3	5, окончины слудные, 1 с дымоволоком	Печь	—	Подклет холодный	—
Комната казенная	1,77x1,77/ 3,7x3,7	4, окончины слудные	—	—	Подклет холодный	—
Мшаничек обиходный	—	—	—	—	—	—
Келья прислешная	—	—	—	—	Поземная	—
Ледник обиходный	3/ 6,4	—	—	—	—	На леднике сушило
Сарай	—	—	—	—	Поземный	—
Поварня естовная	4/ 8,5	—	—	—	—	—
Келья для работных людей	—	—	—	—	—	—
Конюшня	24/ 51,1	—	—	—	—	На конюшне сарай
Поварня квасная	—	—	—	—	—	—
Житницы	2/ 4,3	—	—	—	—	3 шт.
Келья подъячих	—	—	—	—	Поземная	—
Ледник	—	—	—	—	—	—
Келья для черных попов	—	—	—	—	Поземная	—
Приказ судных дел	—	—	—	—	—	—
Задние ворота	—	—	—	—	—	—
Святые ворота с приворотьем	Около 3/6,4	—	—	—	—	—
Житницы большие и малые	—	—	—	—	—	7 шт.

* Сохранена терминология источника (См.: Тобольский архиерейский дом...).

архиепископа в Тобольске по эстетической и символической значимости сравним с такими замечательными сооружениями, как ансамбли Российского Севера, Коломенский дворец, хоромы Строгановых.

Эволюция храмового ансамбля. В 20-е гг. XVII в. храмовый комплекс, состоящий из собора Софии Премудрости Слова Божия, церкви Похвалы Богородицы и колокольни, занимал северо-восточную часть двора архиепископа. Объемно-пространственные решения Софийского собора и Похвальской церкви трактуются совершенно по-разному, несмотря на совпадение плановых размеров. Церковь Похвалы занимала на плане комплекса центральное положение, но визуально была спрятана за зданием колокольни, ее формы просты и скромны, в то время, как собор поражал пышностью барочных по сути форм. Главенствующая роль в организации пространства принадлежала собору. Церковь Похвалы была второстепенной, что, возможно, объяснялось камерностью ее использования. Она предназначалась, очевидно, архиепископу и его свите.

Первое здание собора Софии Премудрости существовало немного более двадцати лет, оно сгорело в пожаре 14 августа 1643 г. В 1644 г. царь Михаил приказал воеводе Куракину вновь построить соборную церковь на том же месте. Но ее построили на новом месте, там, где до пожара находилась Спасская церковь, справедливо мотивируя это тем, что на прежнем месте было тесно и не имелось выхода на площадь, что мешало доступу богомольцев в собор. Таким образом, назначение собора сменилось - он стал доступен для посещения большому числу городских жите-

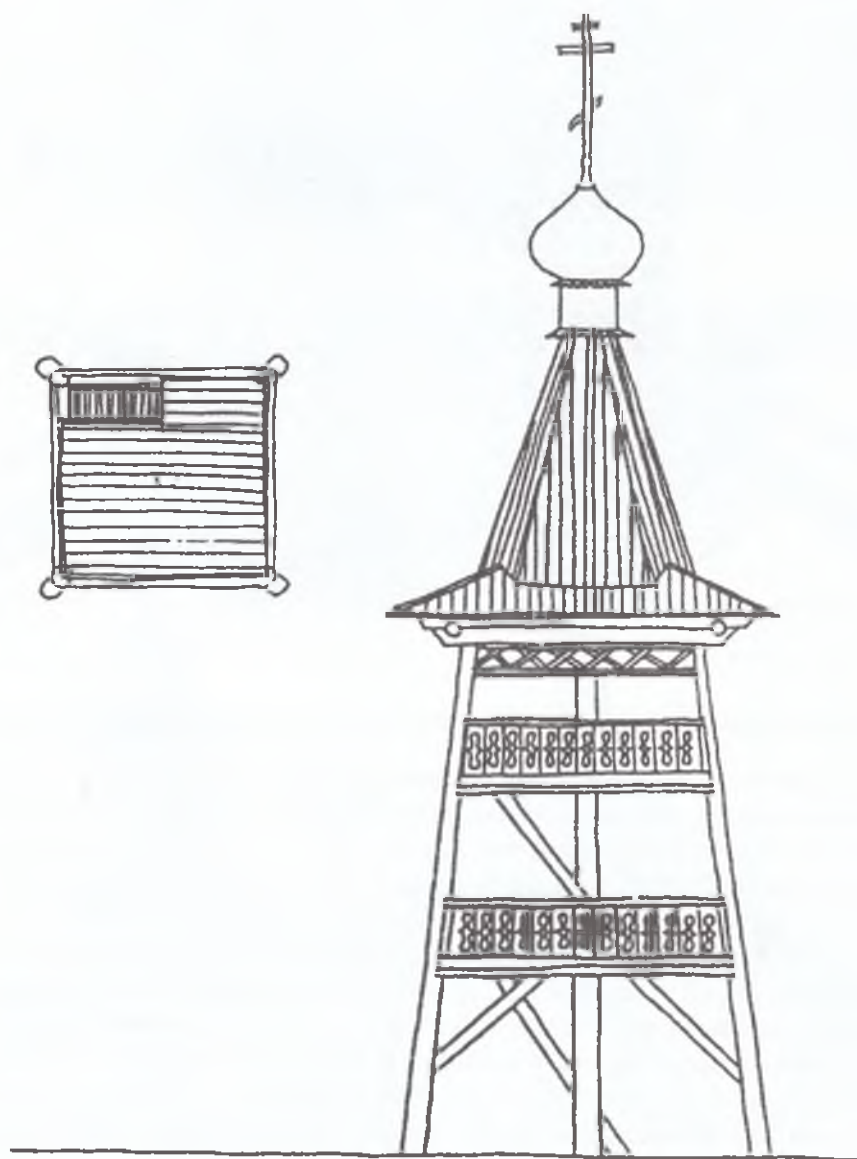

Рис. 12. Колокольня Софийского собора в Тобольске. 1644-1677 гг. План и фасад.

Рис. 13. Тобольский Софийский собор в 1644 - 1677 гг. Реконструкция А.Ю. Майничевой, В.Н. Курилова.

лей. Размеры четверика собора и три алтаря были сохранены, однако, теперь собор стал тринадцатиглавым "в ознаменование Христа Спасителя с 12 апостолами", сохранив посвящение Софии Премудрости Слова Божия. Храм заложили 24 мая 1646 г. и освятили 13 августа 1648 г. Собор строился под руководством архиепископа Герасима, присланного из Новгорода.

Возможно, этот тринадцатиглавый храм действительно был, как предположил С.Н. Баландин⁵⁶, символической аналогией дубовому тринадцатиглавному Софийскому собору в Новгороде Великом, возведенному в 989 г. первым новгородским епископом Иоакимом, присланным крестить новгородцев. Герасим хорошо знал историю церкви и русские летописи, занимался иконописью, до наших дней сохранились его рукописи и созданные им иконы. Вероятно, архиепископ Герасим видел в сооружении тринадцатиглавых тобольского и новгородского храмов историческую параллель в деле христианизации народов России, освященную древней традицией. В этот период насущно стояли задачи духовного устройства русских в новом крае и обращения в христианство многочисленных сибирских племен.

ПРОЕКТЪ ДЕРЕВЯННОЙ ЦЕРКВИ

на 500 человекъ.

ПРОЕКТЪ ДЕРЕВЯННОЙ ЦЕРКВИ

на помещеніе отъ 450 до 500 человекъ.

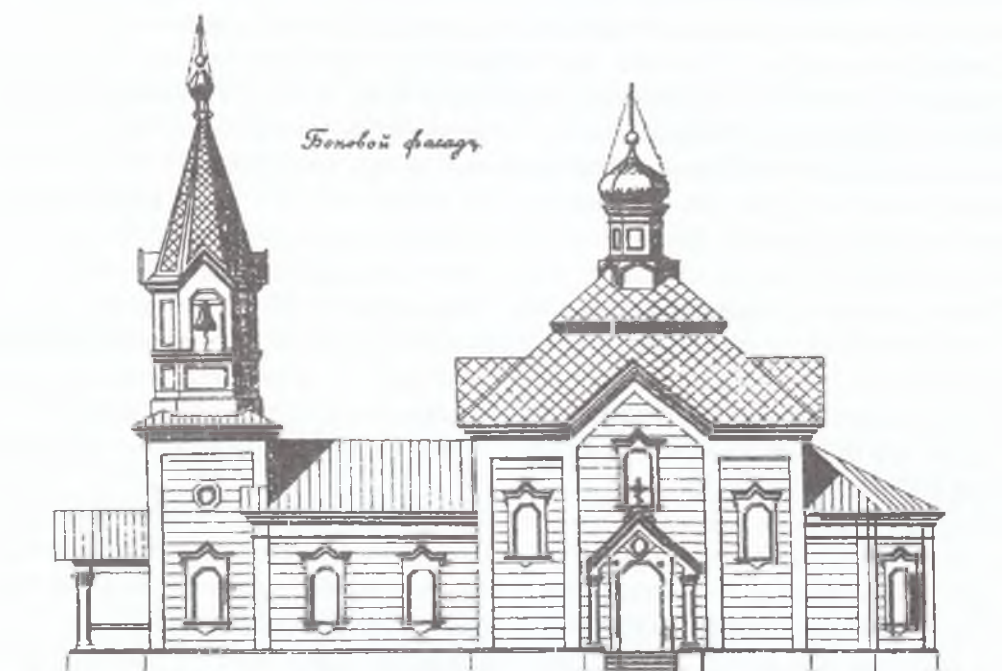

Рис. 14. Типовые проекты церквей. С чертежей XIX в.

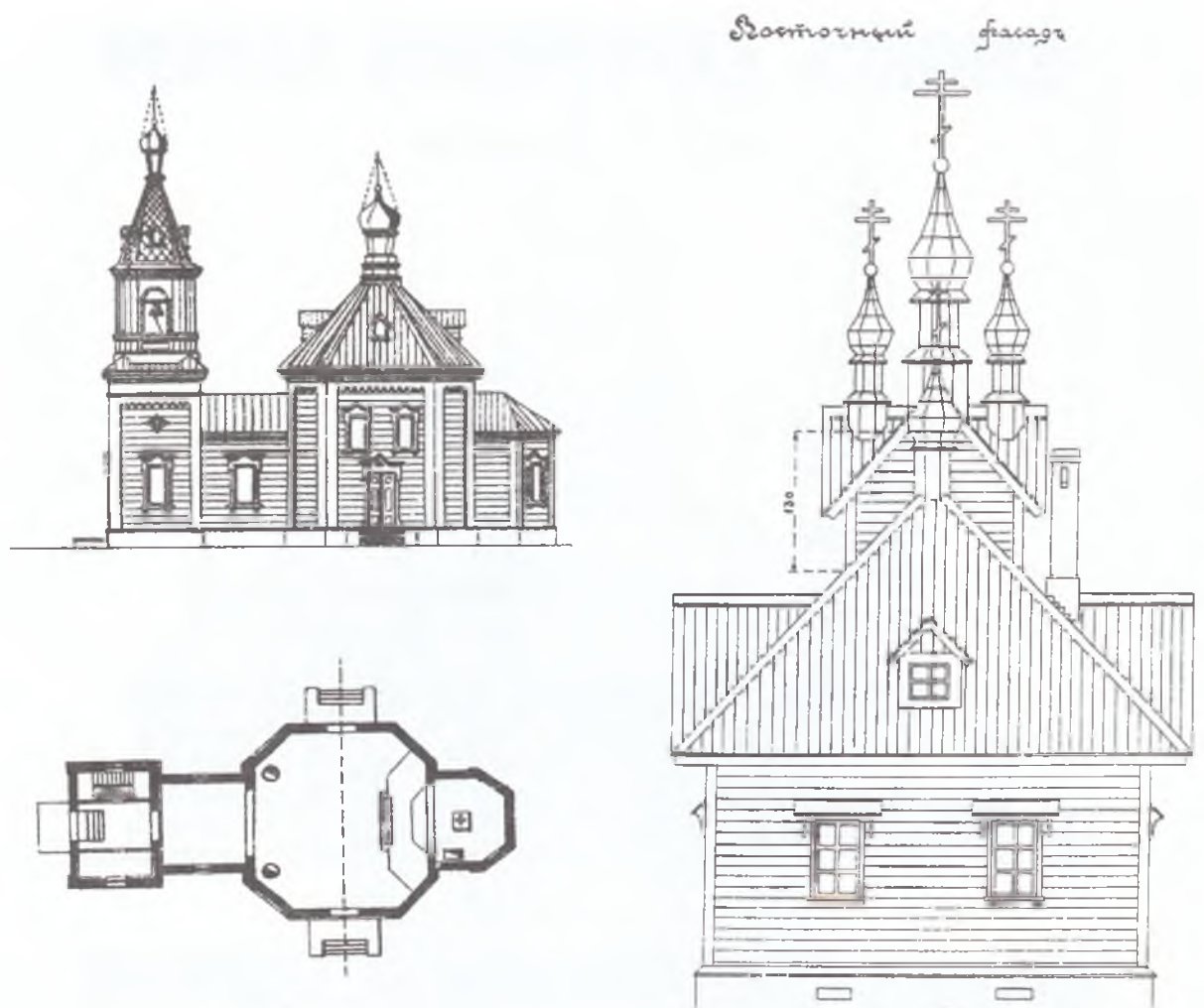

Рис. 15. Типовые проекты церквей XIX в. Фасады и план.

Можно предположить, что пышность форм собора 1621 г. могла смениться более строгим и суховатым обликом храма "под каменное дело", чему способствовала обшивка фасадов, установка главы на небольшом шатре и придание законам треугольной формы. Пропорции собора стали более стройными, что связано с тринадцатиглавием нового собора. Плановые размеры собора не изменились, а размещение увеличившегося числа глав потребовало четкой ярусности и членения сооружения по вертикали. Увлечение оформлением стен деревянных зданий "под камень" получило значительное развитие в русской архитектуре. Например, в XIX в., когда разрабатывались типовые проекты церквей, за основу был взят образ подобного храма "под каменное дело". В множестве городов и сел Сибири были поставлены церкви, имеющие различные посвящения, но одинаковые формы. Таковы проекты деревянных церквей на посещение от 250 до 500 человек⁵⁷.

Большая доступность здания, его открытость для обозрения, отсутствие ограждений, создававших впечатление подобия крепости, иные формы собора - все это являлось новыми веяниями в архитектуре, связанными с изменениями мировоззрения общества, происходившими накануне XVIII в. Как и его предшественник, это грандиозное культовое сооружение погибло в пожаре (1677 г.), просуществовав 31 год.

В 1686 г. был достроен и освящен каменный Софийский собор, снова ставший пятиглавым. Известно, что он был построен по образцу Вознесенского собора Кремля (1519 г.) зодчего Алевиза Нового. В его формах явственно прослеживается связь и с деревянным собором 1621 г., который с самого начала мыслился как главная церковь столичного города.

Таким образом, каменный Тобольский Софийский собор 1686 г. стал как отображением общего развития архитектуры, так и продолжением традиционности образа культового сооружения. Строители Софийского собора выбрали образцами для его создания одни из самых значи-

Рис. 16. Каменный Софийский собор в Тобольске.

тельных культовых зданий, в которых были сосредоточены элементы, ведущие начало от глубокой древности. В архитектуре храмового комплекса в Тобольске в полной мере воплотились традиции символического осмысления пространственно-временных понятий, бытовавших в культуре России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. - М., 1978. - С. 153 - 159; Копылова С.В. Из истории строительства в Тобольском кремле//Изв. СО АН СССР. - 1971. - № 1. - Сер. обществ. наук, вып. 1. - С. 92 - 96; Баландин С.Н. Каменный Софийский (Успенский) собор - памятник архитектуры Тобольска//Памятники истории и архитектуры Сибири. - Новосибирск, 1986. - С. 76 - 87; Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII - начала XIX в. - Новосибирск, 1974.

² Баландин С.Н. Каменный Софийский (Успенский) собор... - С. 77.

³ Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. - Новосибирск, 1989. - С. 251 - 255.

⁴ Отрывки из переписных и копийных книг впервые были опубликованы С.Н. Баландиным в указанной ранее работе, а их полный текст в кн.: Тобольский архиерейский дом в XVII веке. - Новосибирск, 1994. - вып. 4. - С. 37 - 81.

⁵ Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф. Искусство Древней Руси. - М., 1993. - С. 24, 34, 60.

- ⁶ Города России: Энциклопедия. - М., 1994. - С. 12 - 86.
- ⁷ Кириллин В.М. Символика чисел в древнерусских сказаниях XVI в.//Естественнонаучные представления Древней Руси. - М., 1988. - С. 84.
- ⁸ Там же. - С. 84.
- ⁹ Голан А. Миф и символ. - М., 1993. - С. 149.
- ¹⁰ Рождение ребенка в обычаях и обрядах: Страны зарубежной Европы. - М., 1997. - С. 357.
- ¹¹ Кириллин В.М. Символика чисел... - С. 82.
- ¹² Там же. - С. 84.
- ¹³ Голан А. Миф... - С. 147.
- ¹⁴ Первые шаги в православном храме. - М., 1991. - С. 5 - 6.
- ¹⁵ Арсеньев В. О церковном иконописании//Философия русского религиозного искусства XVI - XX вв. - М., 1993. - Вып. 1. - С. 142.
- ¹⁶ Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы: XI - начало XII века. - М., 1978. - С. 417.
- ¹⁷ Громов М.Н., Коалов Н.С. Русская философская мысль X - XVII вв. - М., 1990. - С. 29.
- ¹⁸ Цит. по: Там же. - С. 30.
- ¹⁹ Там же. - С. 29.
- ²⁰ Там же. - С. 73.
- ²¹ Там же. - С. 140.
- ²² Там же. - С. 238.
- ²³ Там же. - С. 246.
- ²⁴ Там же. - С. 254 - 256.
- ²⁵ Трубецкой Е. Два мира в древнерусской иконописи//Философия русского религиозного искусства XVI - XX вв. - М., 1993. - Вып. 1. - С. 142.
- ²⁶ Флоренский П.А. Имена//Характер и имя. - СПб., 1993. - С. 128 - 131.
- ²⁷ Федоров Г. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. - М., 1991. - С. 20 - 22.
- ²⁸ Громов М.Н., Коалов Н.С. Русская философская мысль... - С. 281.
- ²⁹ Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII - начало XVIII в. Новосибирск, 1992. - С. 125.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Акты исторические. - СПб., 1842. - Т. 2. - С. 54, № 40.
- ³² Верхотурские грамоты конца XVI - начала XVII в. - М., 1982. - Т. I. - С. 150, № 93.
- ³³ Миллер Г. История Сибири. - М.; Л., 1941. - Т. II. - С. 525, № 456.
- ³⁴ ЦГАДА. СП. Ф. 14. Кн. 1452. Л. 131.
- ³⁵ Тобольский архиерейский дом... - С. 37 - 81, 85.
- ³⁶ Там же. - С. 141.
- ³⁷ Там же. - С. 155.
- ³⁸ Там же. - С. 137, 138.
- ³⁹ Города России... - С. 87 - 89.
- ⁴⁰ Тобольский архиерейский дом... - С. 85 - 107.
- ⁴¹ Например, стороны четверика Иоанно-Богославской церкви в с. Богославском на р. Ишне (1687 г.), Афанасьевской церкви в с. Верхняя Кокшеньга Архангельской обл. (1798 г.), Воздвиженской церкви в с. Шижене-ма Ленинградской обл. (1741 г.) были по 3 саж., колокольни в с. Кулига (Дракованово) (XVI в.?) - 3,5 саж., колокольни Преображенской церкви в с. Спас Вежи (1628 г.) - 4 саж., Петропавловской церкви в с. Бучуга (1698 г.), Дмитриевской церкви (1784 г.), Флоро-Лаврской церкви в с. Ростовское (1755 г.) - 5 саж.
- ⁴² Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X - XIII. - Л., 1971. - С. 50.
- ⁴³ Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П. Календари народов Сибири//Календарь в культуре народов мира. - М., 1993. - С. 226.
- ⁴⁴ Голан А. Миф... - С. 150.
- ⁴⁵ Тарановская Н.В., Мальцев Н.В. Русские прялки. - Л., 1970. - С. 11.
- ⁴⁶ Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство... - С. 27 - 28.
- ⁴⁷ Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. - М., 1991. - С. 34 - 42.
- ⁴⁸ ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2048. Л. 2 об.
- ⁴⁹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. - М., 1990. - Кн. первая: Государев двор, или дворец.
- ⁵⁰ Тобольский архиерейский дом... - С. 159.
- ⁵¹ Там же. - С. 142.
- ⁵² Там же. - С. 68.
- ⁵³ Там же. - С. 70.
- ⁵⁴ Там же. - С. 109 - 115.
- ⁵⁵ Там же. - С. 75 - 120.
- ⁵⁶ Баландин С.Н. Каменный Софийский (Успенский) собор... - С. 76 - 87.
- ⁵⁷ ГАТО. Ф. 5. Он. 1. Д. 1584. Л. 40 - 45.

Глава 2

ЦЕРКОВЬ ТРОИЦЫ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ В ТОМСКЕ. 1654 год.

ЦЕРКОВЬ КАЗАНСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ В ИЛИМСКЕ. 1679 год

XVII в. были построены два замечательных сооружения русской сибирской деревянной архитектуры - церковь Троицы Живоначальной в Томске и церковь Казанской Божьей Матери в Илимске. Они резко контрастируют своими размерами и формами, различна и их судьба.

Церковь Троицы Живоначальной в Томске. Церковь Троицы - первое значительное культовое сооружение Томска, построенное вскоре после основания города. Известно, что она была перестроена в середине XVII в. в связи с сооружением новой Томской крепости. Троицкая церковь просуществовала в дереве до 1811 г. Остались описания церкви и ее изображения на панорамах и планах города. По ним В.И. Кочедамов¹ реконструировал ее как приземистый четвериковый одноапсидный храм с обширной трапезной и трехсторонней галереей, имеющий шатровый верх, замененный в XVIII в. криволинейным покрытием в стиле украинского барокко.

Однако внимательное изучение документов² и иная их интерпретация позволяют предложить другую реконструкцию этого незаурядного памятника деревянного зодчества. Прежде всего из них явствует, что Троицкая церковь постройки 1654 г. была шатровой. Длина собственно церкви (корабля) составляла 3,5 сажени (7,5 м), длина трапезной - 3 сажени (6,5 м), высота срубов до шатра - 13 сажен (27,9 м), высота шатра до шеи - 7 сажен (15,1 м). Под церковью был высокий, не менее 1,5 сажен (3,15 м), подклет, а на охватывающую здание с трех сторон паперть-галерею вели с земли лестницы³.

Обращает на себя внимание высота церкви: без главки она составляет 20 сажен - около 43 м (этот расчет сделан еще А.Н. Копыловым). Это сразу позволяет включить Троицкую церковь 1654 г. в ряд наиболее значительных из числа известных в русской архитектуре шатровых церквей. Используя известные по другим памятникам пропорции шатра и венчающей его главы, мы получаем общую высоту сооружения до яблока под крестом 48-51 м, что совпадает с высотой Владимирской церкви в с. Белая Слуда и Воскресенской в с. Пияла, считающихся наиболее высокими шатровыми церквами⁴.

Церковь Троицы имела комплексное функциональное назначение: культовое, жилое и производственное ("амбар кладной"). Невозможно недооценить градостроительное значение Троицкой церкви. Поднимаясь над городской горой на 50 м, она выступала как овеществленная ось города, была его главной вертикальной доминантой. Речной фасад города был исключительно выразителен, поскольку высота церкви была равна высоте самой горы над урезом воды. С утратой таких построек в черте города потеряно и представление о монументальности старинных деревянных сооружений. Между тем, такое здание, как Троицкая церковь, не "потерялось" бы и среди современной застройки (при средней высоте жилого дома около 30 м). Можно быть уверенным, что впечатление, производимое ею на современников, на фоне плотной одно-полутораз-этажной застройки, было огромным⁵.

Возведение грандиозной шатровой церкви в одном из важнейших городов Сибири не случайно. В 1652 г. было закончено строительство новых городских укреплений Томска. К концу XVII в., как можно судить по рисункам С.У. Ремезова, город представлял собой деревянную крепость, обнесенную частоколом с семью глухими и проезжими башнями. С северной стороны к нему примыкал Верхний острог с одной большой проезжей башней. Седьмой башней была колокольня Троицкой церкви, встроена в крепостную стену.

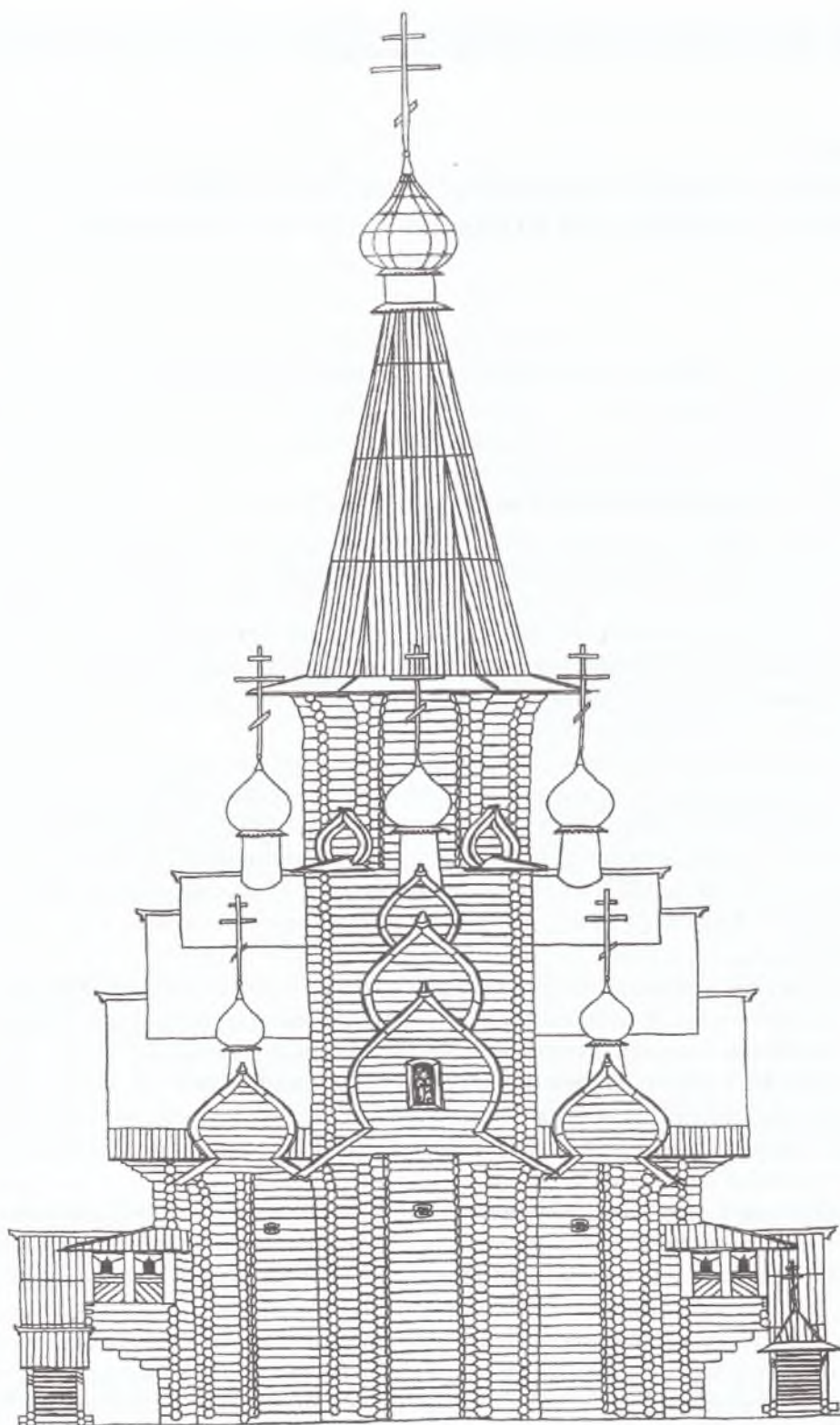

Рис. 17. Церковь Троицы Живоначальной в Томске. 1654 г. Восточный фасад.
Реконструкция А.Ю. Майничевой, В.Н. Курилова.

Томск сыграл выдающуюся роль в истории всей Сибири. Основанный вначале как небольшая деревянная крепость для защиты еуштинских татар князька Тояна, он вскоре стал основным центром, откуда направлялись отряды казаков для проведения "немирных земель" от алтайских гор и верховьев Енисея до забайкальских степей и берегов Тихого океана. В Томске было развито пашенное земледелие, ремесла. В середине XVII в. в городе насчитывалось более 50 ремесленных специальностей, среди которых были занятия, требующие большого мастерства,

например, котельщики, часовщики, серебрянники, иконники.

В 1635 г. всех служилых, посадских и крестьян насчитывалось около 720 человек, а все население составляло около 2 тыс. человек. В Томске было организовано промышленное железодельное производство - одно из первых в Сибири. Большого мастерства достигли плотницкое дело и обработка дерева. В конце 1620-х гг. на рынке города в продаже появились книги. Во второй половине XVII в. возникло свое городское летописание. Благодаря близкому соседству с южными районами Сибири, Томск очень рано стал крупным торговым городом. Он приобрел административную значимость областного "разрядного" города⁶.

XVII век, когда была построена томская Троицкая церковь, можно считать временем расцвета деревянного шатрового церковного зодчества. Появление столпообразных каменных храмов с шатровым завершением приходится на XVI в. Это, например, церковь Вознесения в с. Коломенское (1532 г.), церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в с. Дьяконо-новское (1547 г.). В 1555-1560 гг. возводится Покровский собор что на Рву (храм Василия Блаженного), имеющий одним из завершений шатер. Строятся многочисленные шатровые колокольни. XVII век начался со строительства колокольни "Иван Великий" в Москве, точнее надстройки до 81 м в 1600 г. церкви Ивана Лествичника с колокольней, построенной 1505-8 гг. архитектором Боном Фрязиным⁷. Это сооружение стало визуальной вертикальной осью не только ансамбля Кремля, но и всего города. В XVII в. шатровые завершения значительных по высоте храмов широко распространяются и в деревянном церковном строительстве. С одной стороны, это может рассматриваться как повторение в дереве форм каменной архитектуры, а с другой - как воплощение ряда эпохальных идей.

XVII век - это век Великих географических открытий России, продвижение в Сибирь, освоение новых земель и успешное устройство на уже известных. По мнению ряда этнологов, размещение народа на какой-либо территории неизбежно связано с ее освящением и возведением

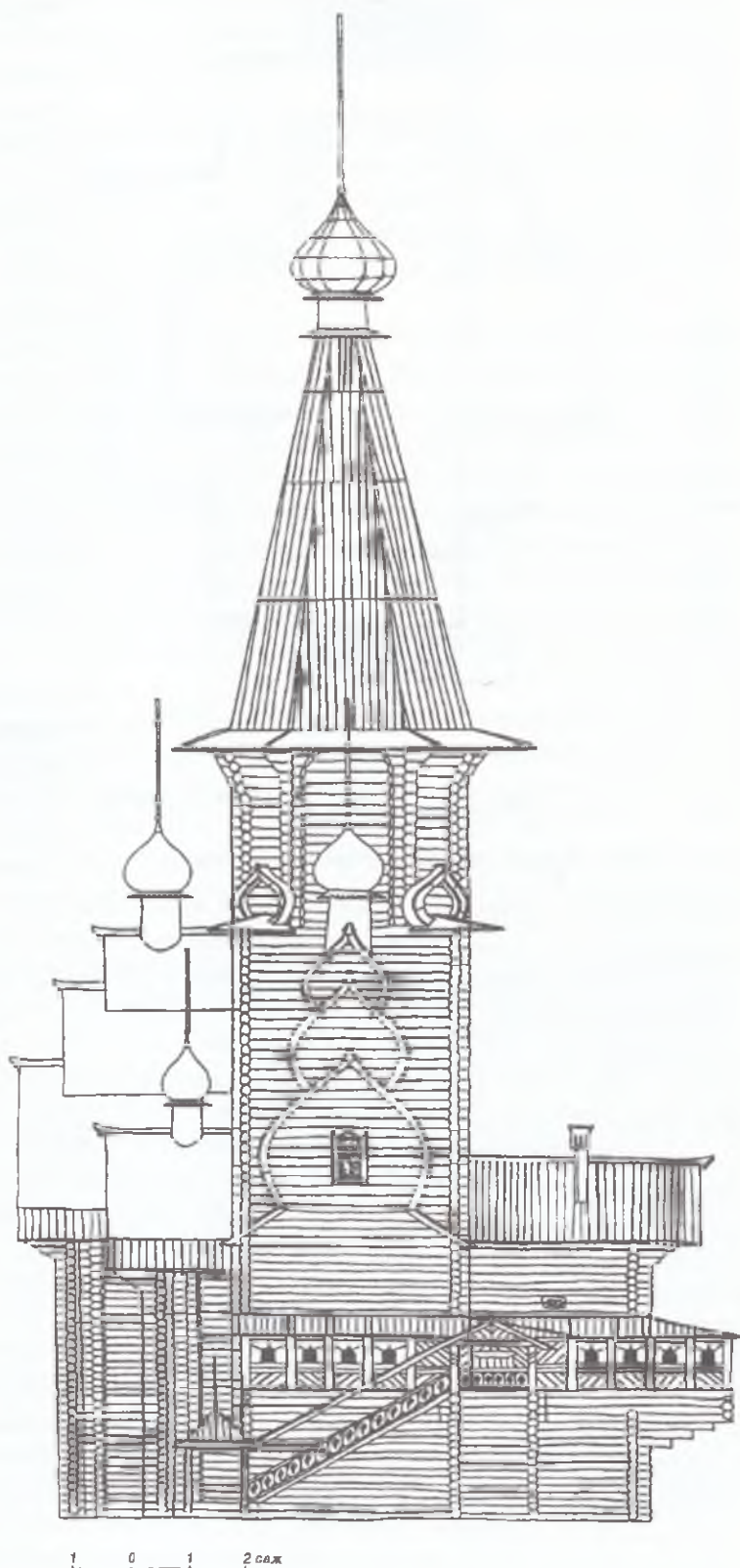

Рис. 18. Троицкая церковь в Томске. Северный фасад.

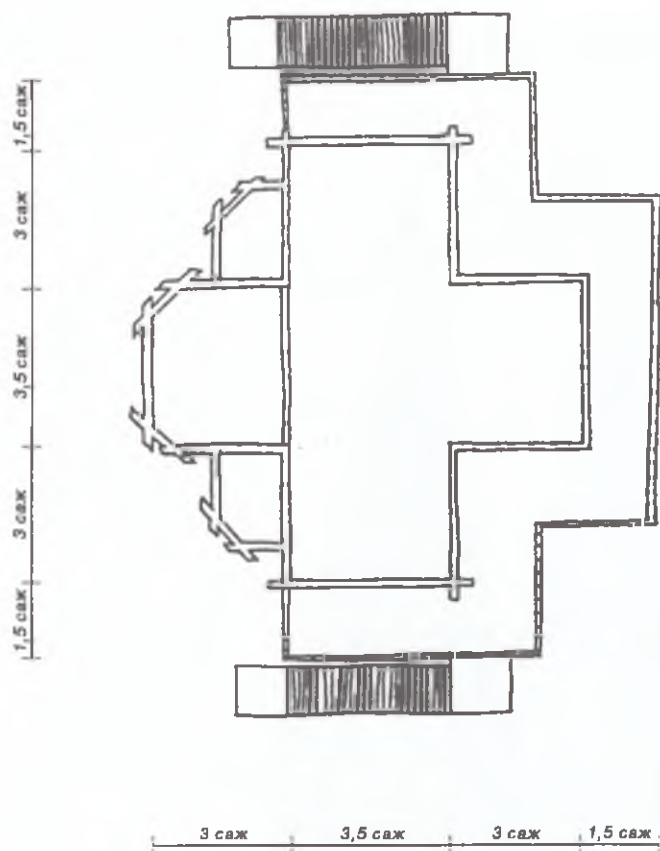

Рис. 19. План Троицкой церкви в Томске.

вали в старину устройство Вселенной, за левым ангелом, Богом-Отцом, возвышается дом. Как напоминание о *"древе Креста"* встает дерево за средним ангелом, Духом Утешителем, - знак всего возвышенного, возвышающего и утешающего сердце. Символика иконописания наследует идею *"священных деревьев"*, связывающих Небо и Землю. Такое прочтение изображения проясняет смысл посвящения церкви Троице и воплощения ее образа в высотном сооружении. Хотя связи эти весьма тонки и опосредованы, символика материальных форм и посвящение храма имеют определенное, хотя и не прямое, соответствие.

Догмат Пресвятой Троицы принадлежит к труднейшим и отвлеченнейшим в христианстве. Тщательный анализ Г. Федотовым⁸ духовных стихов показал, что более, чем понятие о Троице как о трех Божественных Ипостасях, в народе утвердилось мнение о том, что это имя ведет в самое сосредоточие божественного мира, то есть имя Троицы остается именем Божиим даже тогда, когда его понимание утрачено или недоступно. В народном православии, которое, конечно же, отличалось от канонического, Троица часто связывалась с Богородицей, иногда даже выступая ее эпитетом. Это сближало понятия Троицы и Богородицы, утверждая религиозную взаимосвязь мужского и женского божественных начал - Христа и Богородицы.

Таким образом, воплощение в высотных шатровых храмах сущности необходимой для человека связи земного и небесного и само посвящение церкви Троице обеспечивало устойчивость и прочность этой связи, сочетая призывание всех сил небесных и, в первую очередь, Христа, которому, согласно догматам православия, посвящен всякий храм. Шатровые церкви вопреки запретам долгое время были излюбленными в народном строительстве Сибири благодаря тому, что их образ вполне отвечал эстетическим и религиозным запросам людей, а также подкреплялся психологическими особенностями восприятия.

Существенной частью проблемы является связь сооружения с социумом. Это своеобразное психологическое явление, обязанное своим происхождением представлениям о пространственно-временных категориях. Американский критик Пол Цукер⁹ писал: *"Субъективное ощущение определенной высоты неба вызывается игрой высот окружающих сооружений и обширностью (длиной и шириной) подножия. На это ощущение влияют контуры карнизов и фронтонов, труб и башен."*

характерных для каждой культуры *своих* "священных ритуальных столбов", обеспечивающих общение с Небом, жизненно необходимое для поддержания человеческого существования.

Таким образом, можно сказать, что высотные шатровые храмы обладали огромным сотериологическим значением для каждого поселения, социум которого начал осознавать свою целостность на новой территории. В связи с этим становится понятным дальнейшее запрещение строительства церквей шатрового типа и замена их многоглавыми церквями, считающимися более соответствующими символике христианства, поскольку столпообразные храмы семантически очевидно связаны с дохристианскими воззрениями, язычеством.

Несмотря на противопоставление канонически христианского и языческого, и в самом христианстве можно найти отзвуки древнейшей идеи связи земного и небесного. Достаточно вспомнить *"Троицу"* (1427 г.) Андрея Рублева. Знаком *"божественного домостроительства"* - так назы-

Обычно высота неба над замкнутой площадью воображается, как три-четыре высоты от наиболее высокого здания из окаймляющих ее. Эта высота больше над площадями, где господствует одно сооружение, тогда как над широкими, открытыми площадями... зрительная высота неба выражена чрезвычайно слабо".

Троицкая церковь композиционно господствовала над окрестностями, освящая огромное пространство, что не только позволяло видеть ее с любой точки поселения, но и подчеркивало высоту и значимость Небесного. Другим аспектом размещения храма на местности является символическое деление пространства на значимые части, соотносящиеся со странами света. Ориентация алтарей церкви указывает на восточную часть горизонта. Крест храма дает вертикаль - указывает направление *божественного* и *земного*.

Высотные храмы имеют четкий силуэт, придающий им большую выразительность. Значимость абриса зданий хорошо осознавалась. Например, французские архитекторы эпохи Возрождения утверждали, что "*архитектура - это искусство вписывать линии в небо*"¹⁰. Силуэт обладает серьезным для человека значением в силу фундаментальных особенностей психики. Само восприятие горизонтали и вертикали неравнозначно. В жизни человека горизонталь - единственная поверхность, на которой можно перемещаться в любом направлении, не испытывая ощущения подъема или спуска. Поэтому всякое нарушение горизонтали четко регистрируется сознанием и подсознанием. У горизонтальной плоскости нет избранного направления, тогда как движение взгляда по вертикали от исходной горизонтальной поверхности воспринимается очень остро.

Традиционной сферой "*естественного*" освоения пространства для русских, если исходить из анализа русской языковой картины мира, выполненной Е.С. Яковлевой¹¹, является пространство, расположенное по горизонтали от говорящих, приблизительно на одном с ними уровне и совпадающее, как правило, с поверхностью земли. Направления по горизонтали образуют собой мир обыденных действий, отразив "*плоскостное*", "*равнинное*" мышление говорящих, а вертикаль ассоциируется с некоторым душевным усилием, с проявлением человеческой воли, движением к Небу. Заметим, что для духовной ипостаси человека нормальным является положение *над*, а не *на* земле, и если физический предмет не может *упасть низко*, то в духовно-этическом смысле такое *падение* не исключено.

В храмовом зодчестве вертикаль необходима для создания возвышенного состояния, поскольку отвечает неосознанным потребностям души. Непроизвольное внимание к силуэту, заложенное в способности человека к восприятию окружающего мира, встраивалось в здание культуры и осмысливалось через господствовавшие в ней представления. Одним из выражений этого явилась деревянная церковь Пресвятой Троицы Живоначальной в Томске.

Церковь Казанской Божьей матери в Илимске. Илимск, согласно архивным данным и сообщениям исследователей, как и многие сибирские города, вел свою историю от небольшого зимовья, а затем острога. И. Галкин, енисейский атаман, посланный в 1630 г. на Лену для сбора ясака, заложил на р. Илим зимовье, население которого составило 6 казаков. В 1640-х гг., число служилых в Илимске достигло 40 человек, а в конце века - 100 человек. В 1699 г. в Илимске и уезде насчитывалось 642 двора, в 1710 г. - 1350 дворов, а население было 6456 человек мужского пола. В XVII в. Илимский острог был одним из значительных и оживленных русских городов на востоке Сибири. В этом районе очень рано возникло пашенное земледелие, и илимская пашня снабжала своим хлебом далекий Якутск.

Илимск играл важную роль транзитного транспортного пункта на пути в Восточную Сибирь и далее. В 1640-х гг. возникает судоверфь, где изготовлялись суда. Через Илимск проходили торговые караваны из Монголии и Китая. Однако к 1730-м годам начинается спад, и с 1775 г. Илимск перестает считаться городом¹².

По мнению В.И. Кочедамова, Илимский острог являлся примером единства архитектурного ансамбля, возникшего благодаря одновременности постройки комплекса крепостных сооружений и казенных зданий. Он же сообщает, что всеми работами руководил подъячий илимской съезжей избы Никита Лазарев, оказавший большое влияние на композицию города¹³.

До наших дней сохранились два памятника деревянной архитектуры Илимска - Спасская проезжая башня острога с выносными часовнями и церковь Казанской Божьей Матери. Фрагмент генерального плана Илимского острога Сибирского приказа 1702 г. и гравюра Е.А. Федо-

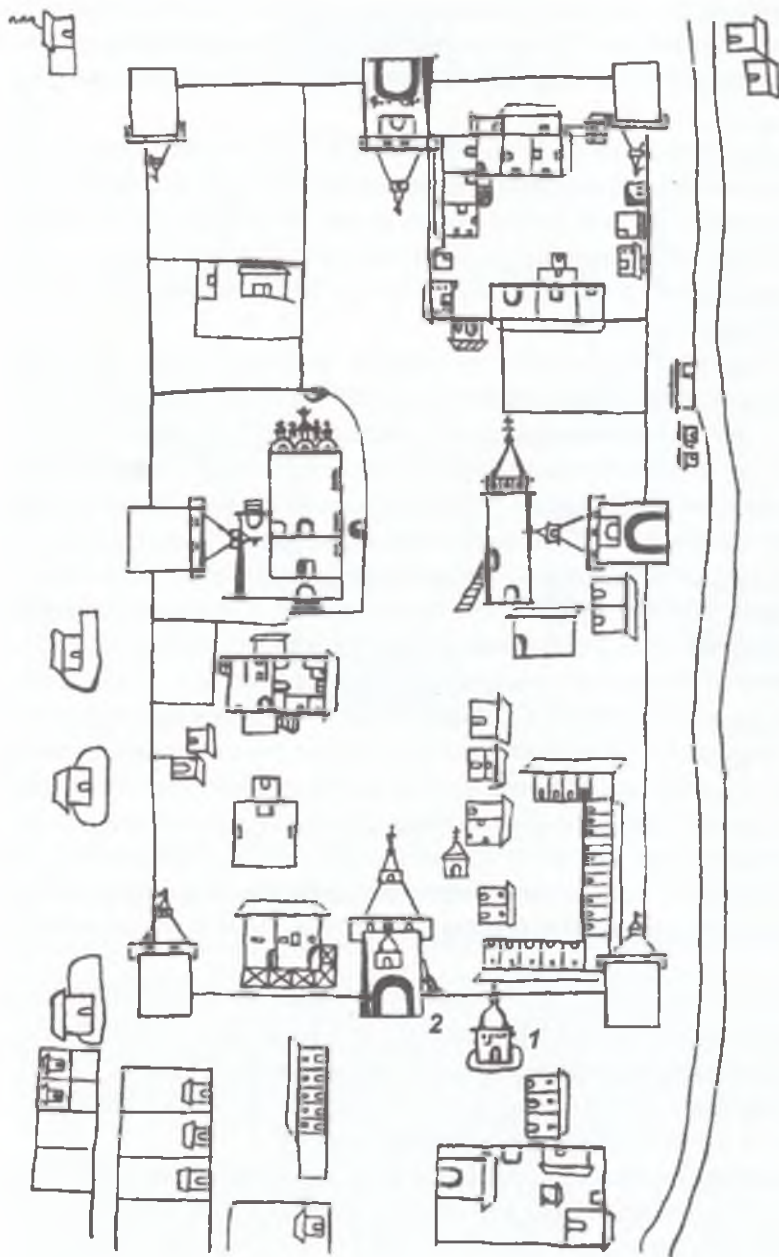

Рис. 20. Фрагмент генерального плана Илимского острога 1702 г.
См. Гумбург Ю.Н. Церковь Казанской Божьей Матери села Илимского... С. 42.
1 - Церковь Казанской Божьей Матери;
2 - Спасская башня.

сеева по рисунку И.В. Люрсениуса (1730-1742 гг.) дают представление о местоположении и внешнем виде церкви Казанской Божьей Матери в XVIII в. Первые сведения о ней появляются в клировых записях 1679 г., но А.Н. Копылов датирует ее 1676-1679 гг.¹⁴.

Следует отметить, что предположения о причинах создания церкви Ю.Н. Гумбурга¹⁵, автора, описывавшего, обмерявшего и предложившего свою реконструкцию храма, базируются на сугубо функциональных, прагматических причинах, среди которых называется обычай молиться о благополучном начале или исходе путешествия каждому проезжающему через ворота башни, отмечается неудобное расположение часовни на втором этаже башни, что и заставило устроить еще одну на земле. Другие его предположения касаются причин посвящения церкви иконе Божьей Матери. Согласно его выводам, церковь мог построить Илимский воевода, который был особенно ревностным служителем государства и знал о том, что икона Казанской Божьей Матери после побед Минина и Пожарского стала знаменем русского воинства. Также Ю.Н. Гумбург указывает на то, что в результате исследования 1883 г. М. Сизова, было установлено, что в алтаре не оказалось иконы, которой посвящена церковь, а была икона Знамения Божьей Матери. А так как чудотворная икона Знамения Богоматери была достопримечательностью Устюга, и

поскольку устюжане находились в числе насельников края, исследователь предполагал, что построил эту церковь кто-то из устюжан. Последнее никак нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить за отсутствием конкретных документов. По поводу первых же можно высказать предположения другого порядка.

Начнем с того, что, следуя логике Ю.Н. Гумбурга, церковь Казанской Божьей Матери можно было бы разместить и внутри городских стен, что было бы даже удобнее с точки зрения путешественника: он после дальнего пути оказывался под надежной защитой. Нужно отметить, что согласно плану Илимска 1703 г., опубликованному В.И. Кочедамовым¹⁶, внутри острога недалеко от Спасской проезжей башни действительно находилась часовня. Однако, церковь Казанской Богоматери была поставлена вне городских стен, в непосредственной близости от проезжей Спасской башни, имевшей небольшие выносные часовни. Невольно напрашиваются определенные исторические и культурологические параллели.

Рис. 21. Илимская церковь Казанской Богоматери. Фото.
См. Гумбург Ю.Н. Церковь Казанской Божьей Матери села Илимского... С. 42.

В древнерусском искусстве рядом с образом Спаса стоит образ Богоматери, близкий ему по своему смыслу и значению, по тому месту, которое он занимал в сознании и в духовной жизни людей. Богородицу называют "начатком спасения" в прославляющих ее церковных песнопениях. Богородица сострадает мукам Сына и отзывается на бесчисленные людские беды. Легенда о хождении Богоматери по аду сложилась в Византии. В Древней Руси в это сказание были вне-

сены существенные поправки. В Русском изводе Мария при посещении ада ужасается видом несчастных грешников, оплакивает их и напоминает Богу о том, что даже праведники совершали грехи. Она добивается того, чтобы от четверга на Страстной неделе на пятьдесят дней грешники были избавлены от адских мук. В этом истолковании легенды выступает представление о Богоматери как о заступнице, что было одной из причин популярности ее образа.

Различные изводы иконы Богоматери не только хранились в храмах, но и находились в каждой семье. Подобное отношение к Богородице имеет глубокие причины, ее образ стоит в одном ряду с дохристианскими представлениями о Матери-сырой земле, прародительнице и заступнице всего сущего. В "Свитке Ерусалимском" XVII в. сообщается, что каждый человек имеет три матери: первая - Богородица, так как она выступает заступницей всех людей, вторая - земля, так как природа породила все живое, третья - та, кто "*скорбь приняла*", в муках родила¹⁷.

Образ Богородицы во многом явился преемником древних представлений о божестве матери-прародительницы, а иногда и логичным их заместителем. Западной Европе пришлось пройти через средневековую схоластику к новой натурфилософии, т.е. новой философии природы, независимой от непосредственного подчинения теологии, что составило одну из главных примет ренессансного сознания XV-XVII вв., в народном же сознании России сохранялось чувство главенства и значения Природы. В Европе борьба со схоластикой, укрепление самостоятельного опытного естествознания уже в ранние периоды развития ренессансного движения привели к тому, что пантеистически, а затем материалистически окрашенные воззрения о Матери-Природе, хозяйке подлунного мира, обеспечивающей и его гармонию, и его бесконечное живое многообразие, способствовали созданию новой этики Природы, в частности, нашедшей свое выражение в жанровой живописи западноевропейских стран¹⁸. Европа шла к этому через науку, Россия - через традицию и интуицию.

Это дает понимание причин той традиции, следуя которой жители Илимска хотели призвать Богоматерь для божественного заступничества, поставив для ее иконы около проездных ворот церковь. В этом смысле показательна также и легенда о сооружении одного из ранних надвратных храмов во имя *Богоматери Портаитиссы* - Вратарницы. Согласно сказанию о событии рубежа X-XI вв., святыня грузинской обители Иверон - икона Богоматери Иверской - приплыла по морю из Никеи в Афон и была поставлена монахами в храм. Однако на следующий день икону обнаружили уже на воротах монастыря. Несколько раз ее пытались возвратить снова в храм, но она опять возвращалась на прежнее место. Богоматерь явилась одному из старцев обители в вещем сне и сказала, что она прибыла не для того, чтобы ее охраняли, а чтобы самой оберегать монахов и монастырь. После этого икону оставили на воротах, поставив затем для нее надвратный храм¹⁹. Основным символично-смысловым значением иконы и сооруженной для нее церкви являлась защита обители и обеспечение ее божественного покровительства.

Выбор же извода Казанской Богоматери можно объяснить закрепившимся за ней символическим пониманием его как иконы, связанной с миссионерством, что было вполне закономерно на осваиваемой территории.

Показательно также то, что проездная башня Илимска носит название Спасской. Ее часовни близки по своему символическому значению и происходят от надвратных церквей, являющихся своего рода *оберегом*, охранительницами входа в крепость или монастырь, защищая их своим присутствием от различных бедствий и нападения врагов, обладая характерной особенностью надвратных церквей - особым конструктивным выделением на башне. Тема деревянных надвратных церквей и часовен еще недостаточно изучена, хотя некоторые авторы касались ее в своих исследованиях. Например, А.Н. Копылов в устройстве выносных часовен башен острогов усматривает лишь один из способов решения художественно-декоративных и культовых вопросов, не касаясь вопроса происхождения и существования такого рода сооружений, в то же время называя их обязательным элементом острожной архитектуры²⁰. Очень подробно особенности надвратных каменных церквей в различные периоды рассматривает В.П. Выголов²¹, что дает возможность проследить генезис этих сооружений и в какой-то мере проливает свет и на существование деревянных надвратных часовен.

Рис. 22. Панорама Илимска.

В 1730 г. при передаче острога новому управителю было отмечено, что в проезжей Спасской башне над воротами часовня *на свесе, вершена бочкой*. В часовне в киоте находилась икона Образа Нерукотворного Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа. На той же башне с внутренней стороны также была выносная часовня с иконой Богородицы Одигитрии²², т.е. Путеводительницы.

Итак, изнутри острога выносная часовня башни как бы благословляла в путь странников, а снаружи другая такая часовня символически обеспечивала защитные функции города. Это приобретает особый смысл благодаря тому, что Илимск, вследствие его особого расположения на местности (на узкой площадке между горами и рекой), являлся, пожалуй, единственным поселением, в котором транзитная дорога такого значения проходила непосредственно через укрепленный город, т.к. природный ландшафт не позволял организовать объездные пути.

Можно заметить, что обращение к помощи божества для защиты воротных сооружений (а выносные часовни располагаются как раз над проездыми воротами) характерно для самых различных эпох и народов, начиная с древнейших времен. Именно ворота, являвшиеся связующим звеном между *внутренним пространством* определенного социума и *внешним*, во многом враждебном ему, нуждались в особой охране высших сил, божества. Отсюда и появление всевозможных изображений священных животных и богов на воротах, выполненных в скульптуре или живописными средствами. В качестве примера можно назвать монументальные Ворота Иштар в одной из стен древнего Вавилона (6 в. до н. э.), Львиные ворота Микенской крепости. Прослеживая закономерности появления надвратных церквей, можно заметить, что если для украшения Золотых ворот Константинополя V в. казалась еще вполне уместной античная скульптура, то уже для их аналога в Киеве Ярослава Мудрого пришлось обратиться к архитектурным формам нового христианского культового здания - церкви²³, что в дальнейшем получило развитие в формах надвратных церквей Руси.

В Византии для божественной защиты крепостных ворот использовали иконы. Начало этой традиции, как показал В.П. Выголов, восходит к V-VI вв. и связано с одним из древнейших

иконных образов "Спас Нерукотворный", происходящим из Эдессы. Поставленная над городскими воротами, эта икона, согласно легенде, спасла Эдессу от осаждавших ее персов в 544 г. С этих пор икона превратилась в самую ценную реликвию Константинополя и всей империи. Многочисленные списки со Спаса Нерукотворного широко распространились по всей Византии, в конце концов попав также и на Русь. Они нередко использовались в качестве именно такого охранительного изображения, их размещали над городскими или монастырскими воротами. Затем охранительное значение приобрели и другие иконы²⁴.

Неудивительно, что основатели нового сибирского города Илимска выбрали своим покровителем и защитником именно Спаса. Более того, согласно исследованиям, в таких поселениях Сибири, как город и острог, наиболее часто встречаются Спасские церкви (в 50%), главными проездными башнями также были Спасские²⁵, в чем, вероятно, также отражалась их связь с соборными церквями. При закладке новых поселений на осваиваемых территориях Сибири обращение к одному из главных символов православия вполне понятно. Оно являлось традиционным и было призвано служить символической защитой идеи утверждения христианства и обращения в православие коренного населения, а посредством этого и признания власти православной державы, установления русской государственности, перенесения тем самым определенных социальных, религиозных, культурных отношений и правил на новую почву.

Показательно, что соображения того же порядка были высказаны В.П. Орфинским в отношении культового зодчества Российского Севера, которое также, как и архитектура Сибири, возникло в зоне интенсивных контактов полиэтнического населения, уникальность и предельная выразительность которого во многом определялись стремлением обособить, выделить самобытность и самозначимость русской архитектуры, провести посредством ее мысль о значимости и величии православной державы²⁶.

Итак, перед нами очень древняя традиция, направленная на надежное поддержание благополучия и обеспечение защиты города, что для такого значительного культурного центра, как Илимск, стоявшего на транзитных путях, было оправданно. Возведение над воротами дополнительно надвратного храма - часовни, было традиционным, отвечало архитектурной моде того периода, переосмысливавшей формы каменной архитектуры в исполнении в деревянных конструкциях. В смысловом отношении это не только усиливало божественную защиту, но и служило одновременно символом высшего покровительства города, что дополнялось идеей утверждения на освоенной земле русской государственности. Причем, если последнее неоднократно отмечалось в работах, посвященных архитектуре XVI - XVII вв., то защитно-символическая функция была в какой-то мере упущена в исследованиях. Постановка часовен за пределами поселений отмечалась в исследованиях по архитектуре и этнографии, этому есть немало примеров. В частности, на Российском Севере в их функции небезосновательно усматриваются языческие корни, о чем свидетельствуют братчины и жертвоприношения, устраивавшиеся в еще конце прошлого века у придорожных часовен²⁷, что в свою очередь говорит о древности их происхождения. Постановка часовни рядом с проезжей башней в Илимске не является исключением. Такие часовни, например, были сооружены рядом с башнями Пелымского города, Мелесского острога в Сибири²⁸.

Если вернуться к истокам традиции защитной функции, то следует заметить, что именно создание храмов *"на святость и освящение граду"*, например, во многом определяло значение церкви Благовещения на Золотых воротах в Киеве. При этом город и его укрепления как бы передавались под покровительство и защиту Богородицы (то же можно сказать и о Илимске, где находилась икона Знамения Божьей Матери). В создании нового образа Киева, града "величием сияющего", важная роль принадлежала Благовещенской надвратной церкви, как об этом свидетельствует "Слово о законе и благодати" Иллариона, первого киевского митрополита из русских (1051 г.), который был одним из просвещенных и передовых мыслителей времени Ярослава Мудрого. Размещение храма на главных воротах города приобретало особый смысл демонстрации святости города, божественного покровительства со стороны Богородицы и через нее Христа²⁹.

В свете сказанного, явно прослеживаются аналогии, имеющие отношение к традициям символики церковной архитектуры. Во-первых, это устройство на проезжей башне Илимска часо-

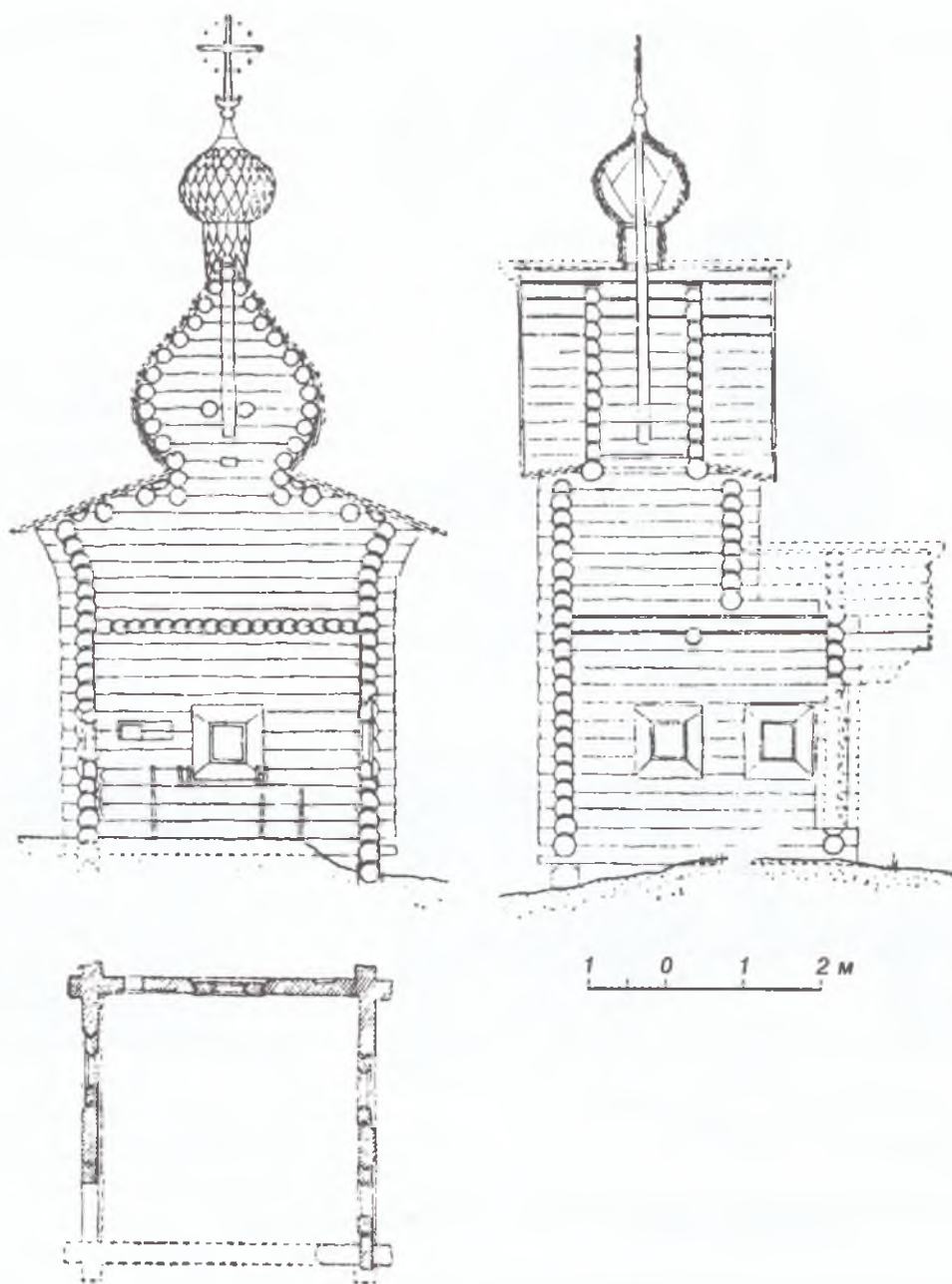

Рис. 23. Илимская церковь Богоматери. Разрезы и план.
См. Гумбург Ю.Н. Церковь Казанской Божьей Матери села Илимского... С. 42.

вен с образом Спаса, конструкция которых (на выпусках) весьма характерна для деревянного зодчества, размещение в городе соборной Спасской церкви, символически передающей значимость самого города и всего Русского государства. Во-вторых, обоснованность постановки церкви Казанской Божьей Матери рядом с проездной башней вне городских стен, что диктовалось символично-защитным смыслом такой композиции. Общеизвестно значение символов в средневековой западноевропейской и древнерусской культуре: литературе, живописи, архитектуре³⁰. И в данном случае можно говорить об особом проявлении символизма в организации всего поселения.

Каждое из сооружений имело свою "сферу влияния", организовывало определенное пространство, создавая своеобразную иерархию зданий. В городах ставились главные соборные церкви, посадские церкви, часовни, рядом с городами - монастырские церкви, формирующие собственную иерархию. Расположение церкви Казанской Богоматери отражало ее символично-защитную роль, и одновременно она являлась частью микроансамбля торговой площади. Как церковь на торговой площади, она занимала свое место в иерархическом распределении назначе-

Рис. 24. Реконструкция церкви Илимской Казанской Богоматери.
Автор Гумбург Ю. Н.

ственным взаимным связям, должно было, по замыслу строителей, обеспечить благополучие и защиту всему городу, прославить его, связать жизнь земную с покровительством и славой сил небесных, утвердить идею православного государства.

Что касается конструктивных особенностей самой церкви Казанской Божьей Матери, то невольно приходится подвергнуть критике ранее предложенные ее реконструкции. Располагая обмерными чертежами и другими опубликованными графическими материалами, можно сделать вывод о том, что неверно трактовать вход как ступени с навесом, формой повторяющий характерные конструкции крылец жилых домов Иркутска XIX в.³¹, решенных в стилистике классицизма. Нет оснований вести эту традицию от архитектуры церкви Казанской Богоматери. Анализ же облика небольших церквей и часовен³² дал возможность рассматривать ее как двухчастное сооружение часовенного типа с небольшой звонницей над прирубом и открытым крыльцом с крышей. Уменьшение объема четверика в верхней части не только позволяет организовать изящное перекрытие бочкой, но и логично расположить звонницу над входной частью.

Здание выполнено в срубной технике, с креплением *в чашу*, входная же западная часть образуется выпусками сруба, состыкованными с конструкцией *взаплот*, имеющей вертикальные стойки и горизонтальную заборку между ними. Крыльцо перекрыто двускатной кровлей - *палаткой*. Покрытие бочки лемехом контрастирует с плоскостями стен и простой конструкцией звон-

ния зданий, что являлось также традиционным, но и своеобразным, привязанным к конкретным условиям, новым осмыслением традиций.

В пространственной композиции города Илимска, в постановке и посвящении культовых сооружений нашли отражение традиции обеспечения символично-защитных приемов строительства. Рассматривая архитектуру как семиотическую систему, можно обнаружить закономерности проявления различных сторон символизма, находящихся в причинно-следственных связях и с природно-климатическими, и социальными, и специфическими местными условиями, однако развивающихся в общем русле явлений культуры того периода.

Неслучайность организации пространства, причины посвящения одной часовни проезжей башни Спасу, другой ее часовни Богоматери Одигитрии, а церкви перед башней и городскими стенами иконе Казанской Божьей Матери, существование внутри города соборной Спасской, а на посаде Введенской церкви, построенной во имя праздника Введения Богородицы во Храм, композиционные особенности часовен башни и церкви с бочечными покрытиями, символизирующим троичность Бога, становятся очевидными, поскольку обращение к этим высшим силам - Спасу, Богородице, Троице, их единству и боже-

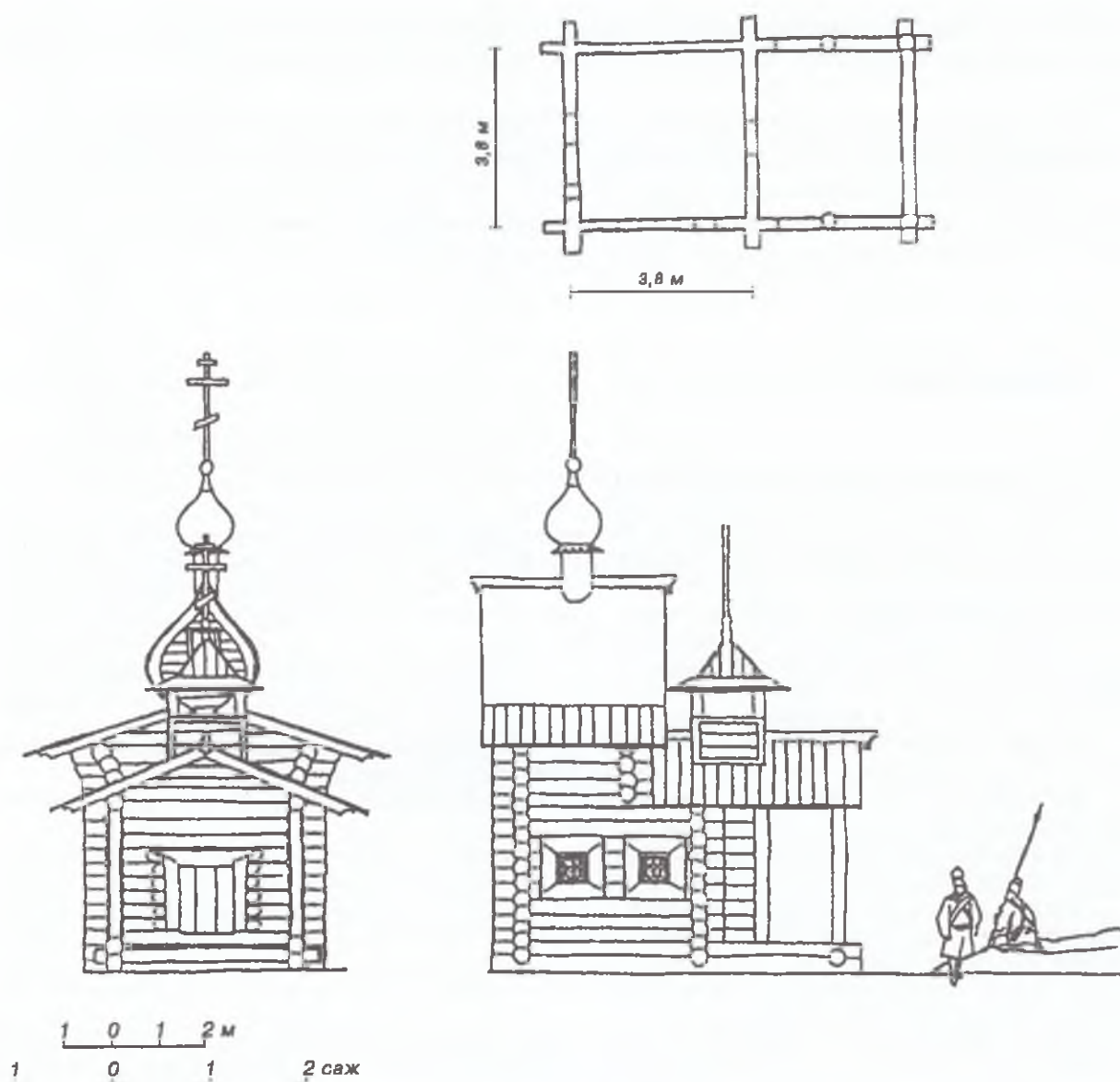

Рис. 25. Фасады и план церкви Казанской Богоматери в Илимске.

ницы, стойки которой опираются на перерубы и стойки заплота. Повалы четверика и стройные пропорции бочки придают силуэту церкви утонченность и легкость, сближая форму бочки с традиционным завершением храма - луковичной главой. Церковь увенчана главкой, звонница - небольшой маковицей с крестом. Конструкции церкви Казанской Божьей Матери во многом соответствуют элементам клетской Илимской Введенской церкви (1673 г.), что было отмечено еще А.Н. Копыловым³³.

Объем трапезной и собственно церкви представляет собой четверик, на который поставлен меньший, *висячий* четверик, перекрытый бочкой с двумя главами. Обращает на себя внимание тот факт, что в церкви Казанской Божьей Матери, как и во Введенской церкви, отсутствует алтарный прируб. Подобные традиции существовали на Русском Севере³⁴, где были возведены древние деревянные безапсидные церкви с невычлененным в наружном объеме алтарем: церковь Ризоположения в Вологодском селе Бородава (1486г.), Никольская церковь Муезерско-Троицкого монастыря (1602 г.), Богоявленская церковь в селе Челмужи (1605 г.) в Карелии.

Рассмотренные Н.П. Лютиковой часовни, построенные в бассейне р. Пинега в XVIII-XIX вв., дают возможность указать и прямые аналоги Илимской церкви Божьей Матери³⁵ - это часовня Рождества Богородицы в д. Земцовской Покшенгского прихода, имеющая облегченную конструкцию паперти, совпадающую по конструкции с церковью в Илимске и часто встречаю-

щуюся в описаниях пинежских часовен, Никольская часовня в д. Кучкас Нюхченского прихода и Преображенская часовня в д. Сулецкой Сурского прихода, имеющие своеобразное бочечное покрытие.

Пропорциональный строй, лаконичность и выразительность форм церкви Казанской Божьей Матери позволили создать небольшое по размерам, но значительное и яркое сооружение.

Итак, при всем различии архитектуры Томской Троицкой церкви и храма Илимской Богоматери их объединяет семантическая общность культовых православных сооружений, значимость символики форм и пространственной организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. - М., 1978. - С. 60 - 61.

² ЦГАДА. Ф. 214 (СП). Стб. 344. Ч. 1. Л. 337 - 380:

Отписка томских воевод Н. Нащокина, А. Болтина в Сибирский приказ, до 31 августа 1654 г. (отрывок): л. 337: "...Во 161-м году по твоему государеву указу велели мы, холопы твои, на церковное строенье лес готовит томским всяких чинов по розвытке, а изготоя// лес, в новом Томском городе соборную церковь во имя Троицы Живоначальные да в пределах Великого чудотворца Николы да Великомученика Димитрия Селунскова устроили в нынешнем во 162-м году новую церковь..."

л. 379 - 380: "О строеньи новой церкви Роспись, какова устроена новая соборная церковь Троицы Живоначальные да в пределах Великого чудотворца Николы да Великомученика Димитрия Селунскова в томском новом городе и что в ней строенья вновь.

Церковь шатровая Троицы Живоначальные с пределы полчетверты сажени в трехаршинную сажень, трапеза грех сажень, в отрубе лес в шесть вершков и семь вершков скоблены набело.

Под церковью анбар кладной, под трапезою подклет жилой белой, ис подклетной печи труба кирпичная проводная в трапезную печ, а ис трапезной печи наверх.

В церкви и в трапезе стены и потолок все тесаны и скоблено, в трапезе лавки с опушки да передел, где ставитца женску полу, четыре окна волоковые, в церкви три окна колодные, два крылоса походные.

У церкви и у трапезы трои двери колодные. Крыта церковь и трапеза в два теса. Глава и крест на главе обита немецким белым железом. Над двема престолами вместо глав деланы бочки, побиты чешуею крестовую, кресты обиты белым железом.

В вышину церковь до шатра тринацат сажень, шатер на церкви в вышину до шеи семи сажень в трехаршинную сажень, шея обита чешуею.

Около церкви с трех сторон паперть забирана в косяк с подзоры и с лавками; крыта//паперть в два теса, на паперть зделаны две лестницы с перилами да с решетками, у обеих лестниц по два крыльца с перилами, три крыльца крыты палатками в два теса, над четвертым крыльцом кровля шатром крыта в два ж теса..."

³ Курилов В.Н. Из истории шатрового зодчества в Сибири XVII в.//Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. - Новосибирск, 1989. - С. 87 - 90.

⁴ Там же. - С. 91 - 100.

⁵ Там же. - С. 106.

⁶ Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. - Новосибирск, 1989. - С. 257 - 262.

⁷ Города России: Энциклопедия. - М., 1994. - С. 268.

⁸ Федоров Г. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. - М., 1991. - С. 32.

⁹ Цит. по: Гутнов А., Глазычев В. Мир архитектуры. - М., 1990. - С. 243.

¹⁰ Любимов Л. Искусство Западной Европы: Средние века, Возрождение в Италии. - М., 1982. - С. 33.

¹¹ Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия). - М., 1994. - С. 31 - 33.

¹² Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. - С. 150 - 155; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978. - С. 78.

Описание некоторых зданий острога 1703 г. приведено в кн. Шерстобоев В.Н. Илимская палатка. - Иркутск, 1949. - Т. 1. - С. 54. "Спасская проезжая башня: 3 саж. 2,5 аршина х 3,5 саж. до обломов 30, в обламах 8 рядов, вышина до орла 8 саж. Наугольная: 2 саж. 2,5 аршина х 2 саж. 2,5 аршина до обломов 30, обломов 10 рядов в ней три моста вершена шатром с вышкой вышина 4 саж. 1 аршин до Богоявленской башни 61 саж, 648 тынин.

Богоявленская: 2 саж. 2,5 аршина х 2 саж. 2,5 аршина до обломов 31, обломов 8 рядов вышина 4 саж...

Наугольная нижняя нагорная: 2,5 х 2,5 саж. до обломов 31, обломов 6 рядов вершена шатром с вышкой вышина 3 саж. 2,5 аршина, два моста от наугольной до Спасской 16,5 саж. 170 тынин.

Вышина острогу 2 саж.

Церковь нерукотворного образа: ...стены трапезы 6 саж., церковные стены и с алтарями 5 саж., вершена по каменному на четырех бочках, на церкви 5 глав, средняя глава и кресты опаяны железом.

Стоит церковь среди острогу, от горной стены 17 саж., а от береговой стены 18 саж. бес четверти.

Колокольня: вышиной с крестом 15 саж. близ Богоявленской башни, от острогу 5 саж."

¹³ Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. - С. 127.

¹⁴ Гумбург Ю.Н. Церковь Казанской Божьей Матери села Илимского//Архитектурное наследство. - М., 1967. - С. 45; Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII - начала XIX в. - Новосибирск, 1974. - С. 115.

¹⁵ Гумбург Ю.Н. Церковь Казанской Божьей Матери... - С. 43.

¹⁶ Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. - С. 45.

¹⁷ Барская Н.А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. - М., 1993. - С. 30.

¹⁸ Соколов М.Н. Бытовые образы в западноевропейской живописи XV - XVII вв.: Реальность и символика. - М., 1994. - С. 20.

¹⁹ Выголов В.П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения)//Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Столица и провинция. - М., 1994. - С. 30.

²⁰ Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири... - С. 118.

²¹ Выголов В.П. Надвратные храмы древней Руси... - С. 30 - 36.

²² Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири... - С. 120.

²³ Райхардт Г. Семь чудес света. - Нюрнберг, 1987. - С. 19; Чизхолм Д., Миллард Э. Ранние цивилизации. - М., 1994. - С. 76; Выголов В.П. Надвратные храмы древней Руси... - С. 26.

²⁴ Выголов В.П. Надвратные храмы древней Руси... - С. 24 - 26.

²⁵ Резун Д.Я. О названиях русских церквей Западной Сибири в 18 в.//Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. - Новосибирск, 1989. - С. 108.

²⁶ Орфинский В.П. Народная деревянная архитектура в северо-европейской этнической контактной зоне: Тез. междунар. науч. конф. "Запад-Восток: взаимодействие архитектурных традиций". - М., 1992.

²⁷ Орфинский В.П. Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития// Народное зодчество. - Петрозаводск, 1992. - С. 40.

²⁸ Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. - С. 206, 227.

²⁹ Выголов В.П. Надвратные храмы древней Руси... - С. 30.

³⁰ Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X - XVII вв. - М., 1990. - С. 226.

³¹ Гумбург Ю.Н. Церковь Казанской Божьей Матери... - С. 42.

³² Клетские часовни можно разделить на два вида: с выраженным, отдельно перекрытым объемом, небольшой входной частью с маленькой звонницей и с единым неразделенным срубом с входной частью и большим объемом звонничной части и маленькой главкой. Аналогами Казанской церкви, несомненно, являются часовни первого типа. "Часовня в селе Конево XVIII в. Небольшая компактная часовня с острым шипцовым покрытием кровли. Остроугольная в профиле крыша значительно превосходит высоту самой клетки. Сруб часовни с крутым повалом, на котором лежат полицы, резко переламавающие скат кровли. Конек прорезает маленький четверичок, на котором стоит главка, покрытая лемехом. С западной стороны к часовне примыкает небольшой притвор с устроенной над ним звонницей. Звонница имеет вид шестигранной вышки, стоящей на двускатной кровле. Резные столбики поддерживают шлемовидную кровлю". - См.: Гунн Г.П. Каргополье - Онега. - М., 1974. - С. 87 - 88.

"Часовня в деревне Авдотьино XIX в. Напротив Конева, через реку, в деревне Авдотьино находится часовня XIX в., тоже клетского типа. Ее кровля с небольшим верхним клином имеет перелом очень широкими полицами, далеко выступающими в обе стороны, выполняющая роль навеса над гульбищем, с трех сторон обводящего часовню. В кровлю врезана главка, обшитая лемехом. С запада над входом поставлена маленькая звонница". - Там же. - С. 89.

Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. - М., 1942. - С. 80. Троицкая церковь 1714 г. Погост Елгомский. Клетская церковь, главная клеть покрыта бочкой и увенчана одной главой, два пятистенных алтаря имеют общее покрытие также бочечной формы. Церковь обшита тесом.

Там же. - С. 86. Деревня Нижние Маркомусы Плесецкого района Архангельской области. Часовня XVIII в. Бочечное покрытие, над входной частью звонница, открытая галерея охватывает с трех сторон. Небольшая главка, на звоннице маковка с крестом. По пропорциям приземиста. Высота бочки почти равна ее ширине.

³³ Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири... - С. 121.

³⁴ Орфинский В.П. Народное деревянное культовое зодчество... - С. 40.

³⁵ Лютикова Н.П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII - XIX вв.//Русский Север. Ареалы и культурные традиции. - СПб., 1992. - С. 155 - 158.

Глава 3

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ДЕРЕВЯННЫХ ХРАМОВ СИБИРИ: БОЖЕСТВЕННОЕ И МИРСКОЕ

храмовом зодчестве пространство характеризуется особенностями символики, морфологии и феноменологии – *смысловой триадой*, понимание которой дает возможность осознать сущность взаимодействия человека с целенаправленно созданной им "второй природой" – архитектурой. Особое структурирование пространства, основанное на символически осмысленных формах, в храмовом зодчестве идет на нескольких уровнях. Это создание пространства внутри храма, сочетание форм сооружения, организация внешнего пространства, разного рода ландшафтов – городского, сельского, природного.

Каждый из уровней организации пространства воздействует на человека, проявляясь в смысловой триаде. При этом символика, как правило, имеет сакральный смысл и не входит в круг общеизвестных знаний. Василий Арсеньев писал, что "*символизм как важный способ выражения высоких истин издревле употреблялся Церковью*", которая стремилась запечатлеть иным, более глубоким, чем буквенный, способом, духовные предметы веры, охраняя истину от "*профанов или недостаточно подготовленных к познанию ее*", привлекая и направляя к ней внимание посредством использования символов¹.

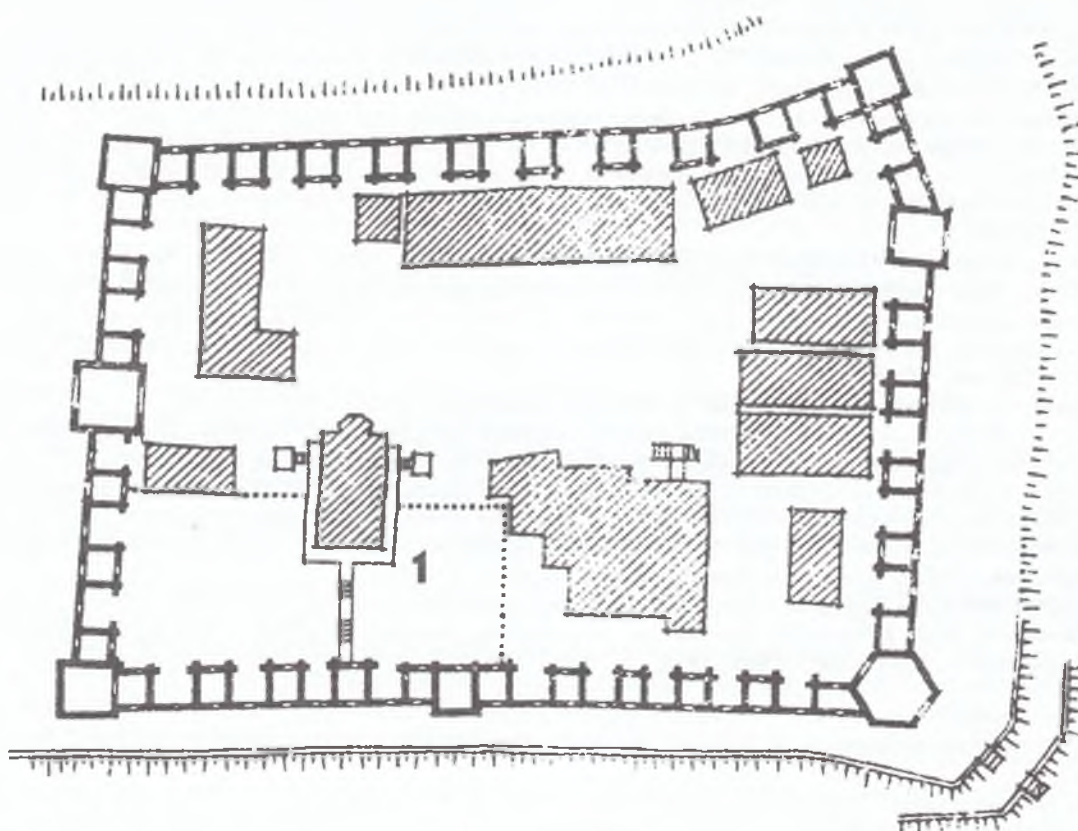

Рис. 26. Томский город в середине XVII в. Реконструкция В.И. Кочедамова.

См. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири... С. 153.

1 - Троицкая церковь.

Сакральное знание сути символичности отдельных элементов храмов может быть безвозвратно потеряно, формы же здания, продолжая свое физическое существование, активно действуют на психику человека. Несомненно, понимание значения символичности структуры сооружения обогащает и придает новые нюансы восприятия его. Пространство, формируемое русскими православными храмами, было во многом обусловлено многофункциональностью этих сооружений. Не исключение в этом отношении и деревянные храмы Сибири XVII-XVIII вв. Помимо своей прямой культовой функции все приходские и соборные церкви были местом межинформационно-личностных контактов населения, выполняли общественные культурно-обрядовые функции. В церквях хранились главные казачьи святыни: иконы, которые принес с собой отряд, войсковые знамена. Казаки Ермака принесли в Сибирь иконы св. Николая и Спаса, особенно почитаемых в казачьей среде как покровителей и защитников страны². В XVII в. сама церковная служба, храмовые престольные праздники, сопровождавшиеся выносом памятных реликвий, оказывали глубокое религиозное и эмоционально-зрелищное воздействие.

Высокие подклеты церквей играли двоякую роль: увеличивали высоту здания, показывавшую устремленность к высшему, и выполняли хозяйственную функцию. Часто они служили местом хранения купеческих товаров, общей казны купцов, как это было в Мангазее. Томская церковь Троицы Живоначальной (1654 г.) имела подклет высотой в 2 сажени (около 4,2 м), под собственно церковью находился "анбар кладной" - хранилище, под трапезой - жилые отапливаемые помещения³. Тобольский Софийский собор, сгоревший в 1643 г., имел хозяйственный подклет высотой около 4 м.

В церковных зданиях горожане предъявляли свои коллективные челобитные воеводам, там же провозглашалось о важных государственных событиях. Церкви имели огромную общественную значимость, они были овеятыми символами веры. В силу своего расположения на возвышенных местах в поселениях, церкви, вокруг которых группировалась жилая застройка, часто становились градообразующими доминантами, формирующими площади, на которых проводили ярмарки, приуроченных к дню празднования памяти православного святого. Спасская церковь из Зашиверска имела высоту около 16 м, Софийский собор Тобольска - 20 м, Троицкая церковь Томска - свыше 43 м.

Однако несмотря на многообразие функций храмов, в первую очередь они были призваны исполнять культовое предназначение "видимого посредства": *"Хотя свобода и духовность благодати Божией не имеют ничего общего с телесностью и видимостью каждого из посредств и хотя воздействие Духа Божия на человека есть вполне духовное воздействие, тем не менее таинственность иного, чем сам человек со своей свободой и разумением, необхо-*

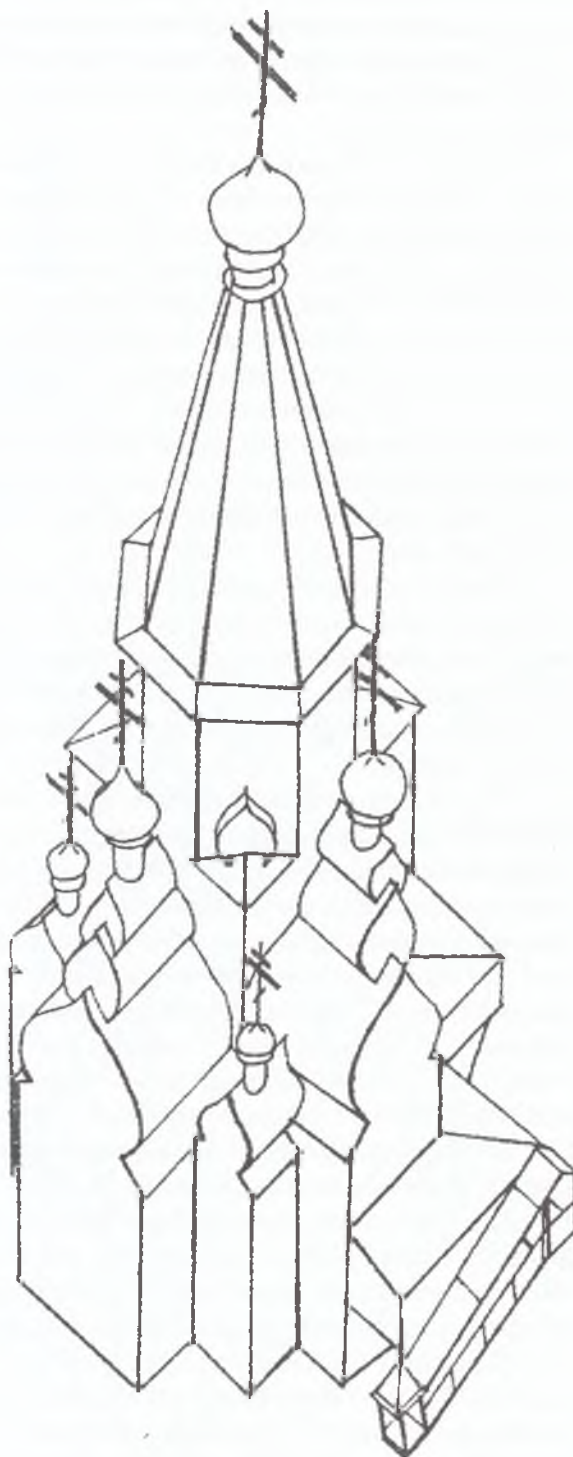

Рис. 27. Церковь Троицы Живоначальной в Томске. 1654 г. Аксонометрия.

димо требует для себя некоторой видимости и внешности как средства и способа для воздействия на человека - духовно-телесное существо"⁴.

Христианство, как и другие религии, в символике культовых зданий выражает свои идеологические конструкции. В православии они в наибольшей степени противостоят трансформации и этнической специфике. Потенции же изменчивости и этнической определенности воплощаются в морфологии зданий. Идеологические построения православия в архитектуре предполагают выражение господства духовной сущности и духовного начала над материей, идеи Бога, чему прекрасно служит сохранение традиционной символики, являющейся одним из значительных ценностных ориентиров для создателей храмовой архитектуры. В принципе любое архитектурное сооружение может восприниматься как символ эпохи, народа, идеологии. Архитектуре свойственна способность становиться символом благодаря тому, что ее объекты всегда создаются для определенной жизнедеятельности, которая находится вне воспринимаемой формы, стоит за ее конкретностью⁵.

В мифологическо-религиозной форме ценностного сознания, господствовавшего в Средние века, большое значение имеет именно символика, порождающая множество ассоциаций и смысловых значений, которые русская культура приписывает морфологической основе. Для этого типа сознания, существующего в какой-то мере в силу некоторой инерционности развития и в эпохи, исторически следующие за Средневековьем, характерно обращение к символизму как к основному принципу, который диктует форму и стиль произведений архитектуры и искусства. Символизм предполагает приверженность к идеализации и сохранение традиционности форм зданий. Основополагающая символика русских деревянных православных храмов сохраняет смысловое содержание на протяжении всей истории своего существования вне зависимости от региона расположения и стилевых особенностей зданий, совпадая при этом с символикой каменных церквей. Она связана, в первую очередь, с пониманием храма как *"подобия Неба на земле, где пребывает Бог"*⁶.

Известно, что даже в XVII в. в искусстве превыше всего стояла теология. Объяснялось это не только зависимостью художника от богослова, которая была прямо предписана церковью, осуществлявшей контроль над искусством, но и слиянием задач художника и богослова, их единением. Искусство должно было обращаться к современникам на том языке, который им был близок и понятен, и который позволял в рамках традиции создавать многообразные, но сущностно единые формы.

Вся культура средневековья строилась на духовной обращенности к Нему, являвшегося высшим образцом. Все люди мыслились, как равные перед Богом его творения, несущие в себе его образ, различаясь только по степени своей близости к Богу. Проблема сотворения осмыслялась во многих апокрифических сочинениях. В *"Голубиной книге"*, вобравшей в себя космогонические идеи многих библейских и гностических текстов, сообщается, что весь видимый мир создан Творцом: *"от его лика - солнце, от очей - зори, от риз - звезды, от Адама пошел народ, от камней - кости, от земли - тело"*; *"ум-разум"* у людей православных от *"самого Христа"*, а *"наши помыслы от облац небесных"*. В *"Свитке Ерусалимском"* говорится, что кровь в человеке *"от моря"*, дыхание - *"от ветру"*, мысли - *"от облыцев"*, очи - *"от сонца"*, разум - *"от Святого Духа"*. Такие представления дожили до Нового времени, преимущественно в народной среде, неохотно принимавшей новейшие натурфилософские учения и во многом сохранившей средневековое миропонимание. Например, духоборы во второй половине XIX в. все еще считали, что *"тело в человеке от земли, кости от камня, жилы от кореня, кровь от воды, волосы от травы, мысль от ветра, благодать от облака"*⁷. Здания храмов, где происходит, по мнению верующих, прямое общение с Богом, были необходимы в каждом поселении, чтобы обеспечивать этот контакт, причем их размещение подчинялось определенным правилам, в которых особое место отводилось канону и традициям.

В Средние века было распространено убеждение, что всякое изменение неизбежно ведет к упадку. *"Все, что меняется, теряет свою ценность"*, - говорится в поэме XII в. Ценность имело прежде всего старое, а старое воспринималось как обладающее высоким достоинством и мудростью. Средневековое сознание было ориентировано на прошлое. Мир не воспринимался в изменении, он мыслился стабильным и неподвижным в своих основах, перемены же касались лишь поверхности установленной Богом системы. Авторитет традиций предписывал использование

неизменных способов, методов, правил, орудий производства. Например, консерватизм сказался в сельском хозяйстве, в том, что в течение целых двух столетий (с XVI по XVIII вв.) происходило освоение вывезенных из Америки растений. Традиции строительного дела претерпевали изменения, однако их глубинная, символично-смысловая сущность сохранялась.

Не располагая еще достаточными интеллектуальными средствами для понимания закономерностей природы и имея более чем скромные средства для ее практического преобразования, человек конца средневековья испытывал страх перед ней. Чувство беспомощности перед лицом естественного мира ряд психологов считают одной из характерных черт психологии человека XVI - XVII вв.⁸.

Вместе с тем, в XVI - XVII вв. в России началось активное массовое освоение новых территорий, в котором принимали участие, в первую очередь, люди авантюрного склада, решительные, готовые к сложностям и неожиданностям. Зарождавшееся чувство больших возможностей человека было в полной мере свойственно первопроходцам Сибири. Непрерывно борясь с трудностями и бедами, человек жил в напряжении и готовности отражать грозящие ему опасности. Для душевного и поведенческого равновесия была необходима определенная стабильность, обеспечивающая некие гарантии безопасности, это и давали традиции. Их власть, неписанные правила пронизывали общество и все существо человека. Конформизм и приверженность традициям оказывались типичной чертой поведения человека, переносящего привычное и установленное в новые условия, что проявлялось в различных сферах его деятельности⁹. Отступление от традиций, неизбежное при освоении новых территорий, в полной мере уравнивалось традиционностью организации "среды обитания", возобновлением привычного, а значит, и надежного, безопасного окружения.

Идея движения и ощущения возможности беспрепятственного воспроизводства культурных феноменов в новых условиях поддерживалась характерной для христианства (и православия в частности) особенностью концепции, принципиально отличающейся от идей иудаизма и ислама. Иудаизм полагает, что Бог всегда остается среди верующих, в их общине, собирающейся в храме для молитв, формой Его присутствия является Его Имя. Поэтому с утратой иерусалимского храма в 70 г. н. э. иудеи понесли невосполнимую потерю, так как лишились места собрания общины. Ислам воссоздает центростремительную идею храма с непременным ежегодным паломничеством к нему, причем мечети всего мира рассматриваются как частички Храма, верующий же как его антропоморфный аналог¹⁰. Христиане

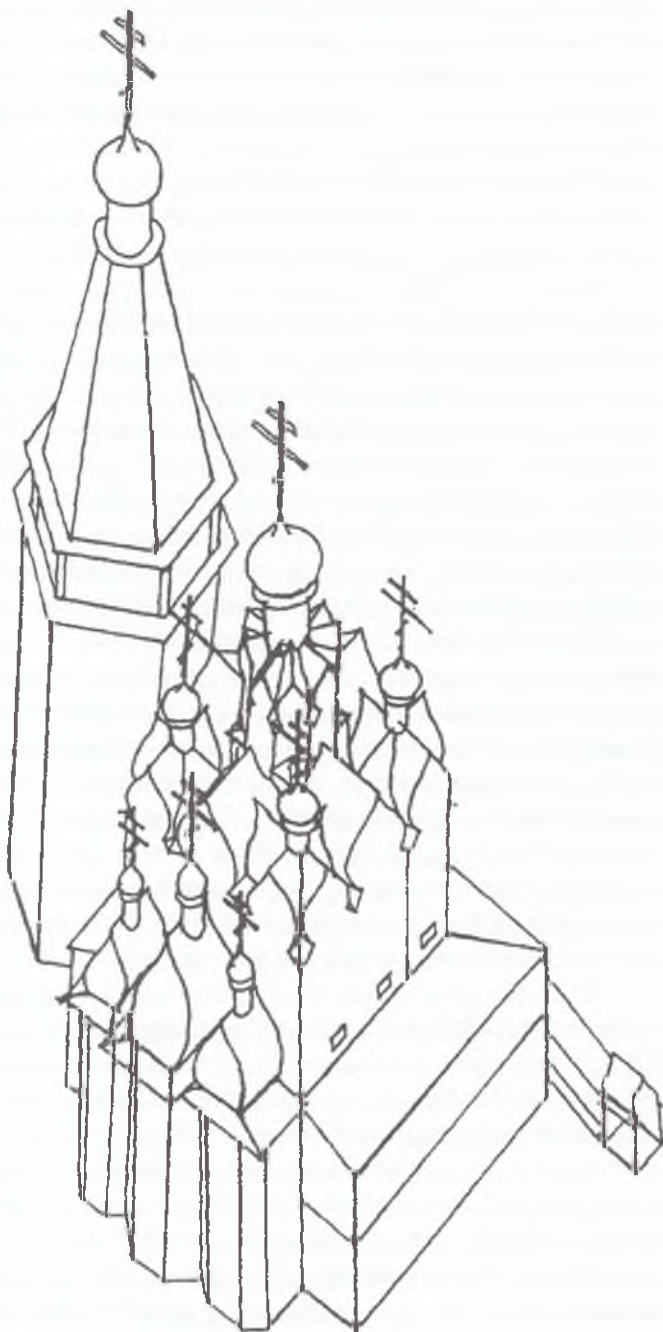

Рис. 28. Собор Софии Премудрости Слова Божия в Тобольске. 1621-1624. Аксонометрия.

же в храмовом строительстве символически воссоздают образ святых земель в любом месте христианской ойкумены, так как считают, что Бог обитает внутри верующего.

Воплощая собой образ мира, христианский храм был прежде всего храмом веры. Если в материальном своем качестве он служил "видимым посредством" для проявления силы божества и общения с ним, то в духовном качестве это "видимое посредство" было *"орудием и как бы проводником для человека благодати Божией"*¹¹. Каждый храм посвящается Богу, нося имя в память какого-либо священного события или угодника. Традиционна и устойчиво сохраняется структура храмов - их трехчастность, включающая алтарь, средний храм (собственно церковь или кафоликон) и притвор, в определенные периоды замещаемый трапезной. Такая структура повторяет части ветхозаветного иерусалимского Храма. Алтарь (святая святых) означает Царство Небесное, куда могут входить только священнослужители, что символически объясняет запретность Царства Небесного для человека после грехопадения Адама и Евы. Так же символически объясняется и существование Царских Врат, являющих разрыв завесы в храме, закрывавшей святая святых, поскольку так Спаситель открыл врата Царства Небесного для верующих в Него. Если в храме несколько алтарей, то каждый из них освящается в память особого праздника или святого. Древнему святилищу соответствует средний храм православной церкви. В святилище не имел права входить никто кроме священников. В православном храме все верующие стоят в средней части. Двору ветхозаветного Храма, где находился весь народ, соответствует притвор. В первые века христианства здесь стояли оглашенные, которые готовились к таинству крещения. В православных храмах иногда в притвор посылали стоять согрешивших, накладывая наказание на определенный срок¹².

Многие сибирские православные церкви имели трехчастную структуру, в которой сакральная ценность частей здания увеличивалась с приближением к алтарю. Эти три части соответствуют трем главным членениям христианского общества: священнослужители, верные, оглашенные. Спасская церковь из Зашиверска, построенная на берегу реки Индигирки, где кроме православных русских проживали язычники юкагиры и якуты, имела четкое трехчастное деление, причем ее планировка позволяла организовать несколько входов и отделить "верных" от новообращенных, что отмечено еще в метрике А. Бердникова, осматривавшего церковь в 1891 г.¹³ Иерархичность структурирования храмовых зданий проявилась и в традиционных правилах, касавшихся мест, специально установленных для прихожан: *"...по старым нашим обычаям, мужчины должны становиться в правой части Храма, а женщины - в левой"*¹⁴.

Трапезные по своей сути являлись преемниками функций ветхозаветного двора как места нахождения большого числа людей, одновременно исполнявшего роль общественного помещения, использовавшегося для сходов, объявления указов и т.п. Существование трапезных первоначально связывалось с необходимостью иметь теплое помещение с печью. При этом такое здание храма с трапезной совмещало теплую (зимнюю) церковь с холодной (летней) церковью (собственно церковь). Таким образом, церковные ансамбли, составленные из отдельностоящих теплых и холодных церквей с колокольной, характерные для барочного стиля, естественно сменились в ряде случаев одной церковью с трапезной, в структуре которой трапезная играла роль теплого храма, а средний храм был холодным, поскольку в символическом плане сущностных изменений не произошло, а имело место лишь изменение формы.

Христианские храмы имеют канон ориентацию на восток, в сторону, где восходит солнце, так как Иисуса Христа называют *Солнцем Правды*, пришедшим с *"высоты Востока"*. Только к XIX в. стала допускаться значительная свобода в постановке зданий храмов¹⁵, учитывающая прежде всего правила регулярной застройки, однако, при сохранении и признании каноничности восточной ориентации.

Храм часто имеет в плане форму креста - главного символа христианства, символа *"избавления человечества от дьявола"*. Крест ставится и на венчающей храм главе во славу главы церкви Иисуса Христа. *"Устройство храма в виде корабля символизирует Ноев Ковчег, ведущий к тихой пристани в Царстве Небесном, иногда в основании лежит круг - знак вечности или восьмиугольная звезда, путеводно сияющая для верующих"*¹⁶, в конструкциях деревянных храмов принимающие форму квадрата, что вполне объяснимо при специфике дерева как строительного материала и при учете того, что в народном сознании существует тождественность понимания квадратной и круглой формы.

Особая символика касается формы луковичной главки и имитирующего ее покрытия бочкой¹⁷, завершения шатром или многоглавием. Многозначность символики этих форм, реализующейся специфично в каждом конкретном случае, имеет истоком основные догматы христианства, связанные с Христом и идеей троичности Бога.

Люди, возводившие храм, следовали определенным эстетическим, конструктивным, технологическим принципам. В русском храмовом зодчестве примечательна одна особенность - главенствующее значение внешнего облика здания по сравнению с его интерьером. Известно, что в композиции византийских церквей предпочтение отдавалось внутреннему пространству - здание служило оболочкой для ритуальных действий, фасады же играли второстепенную роль. На Руси византийский прототип претерпевает эволюцию, выразившуюся в появлении величественных сооружений со скромным внутренним объемом, малые размеры которого, впрочем, часто компенсировались эффектным и богатым убранством. Небольшой объем был функционально оправдан, в суровом климате не просто было обеспечить обогрев большого помещения. В.В. Суслов усмотрел здесь преобладание эстетических начал духовного склада народа над религиозным. Это явление он охарактеризовал, как *"наиболее полное выражение народного художественного вкуса"*, где *"стояло впереди всего желание воплотить свои идеалы духовной красоты и проявить их в наиболее художественных и совершенных формах"*¹⁸.

Строители храмов чутко улавливали особенности градостроительной ситуации. Рядом со стенами Илимского острога была невозможна постройка большой церкви, и поэтому была построена миниатюрная церковь Казанской Божьей Матери, не уступающая в выразительности таким гигантам, как храмы в Томске и Тобольске.

Представляется необходимым более подробное рассмотрение морфологии форм сибирской деревянной архитектуры, связанной со структурированностью, упорядоченностью пространства, с устойчивостью использования определенных форм и получения ими разных трактовок во взаимосвязи с общими тенденциями развития культуры. Структурирование формы ассоциируется с простотой и ясностью геометрических очертаний, чему полностью отвечает архитектура деревянных храмов, каждое здание которой, упрощенно говоря, представляет собой сочетание кубов, параллелепипедов, призм, пирамид. Однако, простота форм не означает примитивности, а, напротив, благодаря ориентированности на восприятие сочетания форм в различных ракурсах, в движении и смене точки зрения наблюдателя, в возможности обозрения сооружения или ансамбля зданий с ближних и дальних расстояний без утраты им художественных и эстетических достоинств, создает особые ценности, присущие архитектуре этого типа. На различных этапах существования произведений русской деревянной архитектуры устойчивым элементом композиционной основы при внешнем различии форм является именно это свойство, то есть изменчивость впечатлений при разного рода движениях. В данном случае форма выступает как материальное воплощение многообразной информации, существенной для деятельности и духовной жизни человека, как носитель эстетической и художественной ценности. Возможно, как с устойчивостью такого рода, так и со стабильностью символической системы, связана изменчивость форм и *"необычайная гибкость средневековой архитектуры и ее способность в широких пределах ассимилировать элементы других архитектурных систем в противоположность монотильным амбициям классицизма"*¹⁹, о чем писал В.П. Орфинский.

Многими исследователями²⁰ отмечалось правило архитектурно-строительной практики того времени - следовать образцу и передавать из поколения в поколение одни и те же строительные приемы и принципы, что давало ясные ориентиры в действительности, но не приводило к репродуцированию архитектурных форм, изначально допуская многозначность прочтений и возможность переосмыслений при отсутствии жестких формальных ограничений. Но, вероятно, в этом случае можно говорить также о канонизации образцов и правил как о воплощении устойчивости некоторых ценностных ориентиров в архитектурной практике. В данном случае канон выступает как свод правил, имеющих вид инструктивных моделей, но не оформившихся еще в теорию, как это произошло в системе классицизма. Канон обеспечивает устойчивость и воспроизведение традиции²¹, что удовлетворяет требованиям сохранения постоянства символического ряда как существенной характеристики православного зодчества. Формы храмов были многообразны настолько, что создается впечатление намеренной апробации различных вариантов, когда меняются

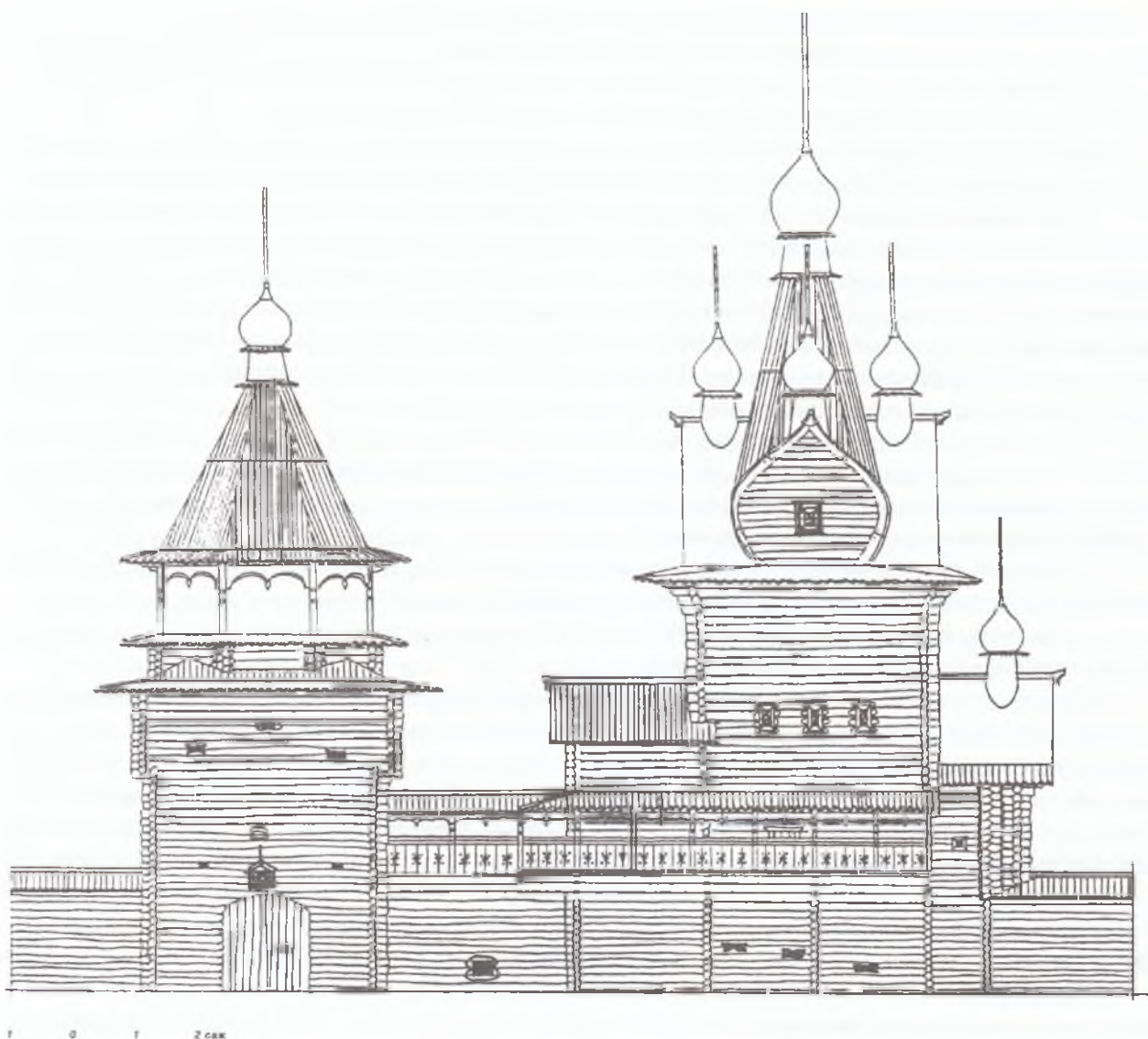

Рис. 29. Спасская церковь в Туринске. Реконструкция А.Ю. Майничевой, В.Н. Курилова.

лишь одна-две характеристики. Так, обычно храмы размещали внутри или вне стен острогов, однако, например, Спасская церковь в Туринске (Епанчине), которую можно охарактеризовать как "классически" шатровую, была встроена в городские стены. Храм Якутского города также был частью стены: "...в том же городе на правом углу в стене церковь новая о двух службах, вверху и внизу олтари вытущены за город..."²².

Общеизвестно положение о самобытности русской архитектуры, и видимо, стоит согласиться с тем, что она определяется не столько наличием или отсутствием тех или иных форм, сколько характером интерпретации этих форм, как своих, то есть освоенных давно, так и заимствованных откуда бы то ни было²³. Христианство противопоставило природу и дух, тело и душу человека, его земную и загробную жизнь таким образом, что все ценности были сведены к религиозным и противопоставлены житейской полезности, рациональному познанию. В ценностной сфере архитектуры нравственное, политическое, эстетическое, художественное было признано в той мере, в какой оно подчинялось принципам и нормам религиозного ценностного сознания, что выражалось в безусловной многофункциональности храмов. Эпоха Возрождения открыла новую ступень в истории культуры, отступление религиозного мистицизма под воздействием светского мирозерцания, жизненной практики высвободило нравственные, политические, эстетические, художественные ценности. Начался процесс, который принято называть "обмирщением" искусства. К XIX в. религиозные ценности окончательно обособились, что выразилось в большей диф-

ференциации зданий по функциональному назначению, например, лишению трапезных храмов функции общественных зданий, следствием чего было, в частности, изживание в структуре храмов самих трапезных и появление специализированных зданий.

Феноменология русской деревянной архитектуры, то есть те смыслы, которые возникают в индивидуальном сознании, связана с огромным эстетическим потенциалом архитектуры, порождающим глубокие переживания человеком находящихся в диалектическом единстве формы и сущности храмового зодчества. В архитектуре с ее геометрической правильностью, строем и гармонией воплощаются, в первую очередь, вечные истины культуры, противопоставленные сиюминутным переживаниям. Реакция человека на внешний вид здания не бессмысленна - она опосредована пониманием, которое складывается из разных способов толкования. Зритель может опираться на смысловые ассоциации, не совпадающие с замыслом автора. Но и такое "ложное" истолкование, будучи неадекватно авторскому замыслу, все же вполне законно. Более того, вследствие длительности существования здания неизбежно изменение восприятия его разными поколениями людей в различные эпохи. Как известно, культурно-семиотическое истолкование архитектурного образа рассматривает человека не как простое психологическое устройство с заданным набором условных реакций, а как существо, обладающее определенным "культурным кодом", с помощью которого архитектурно-художественные формы и композиции соотносятся с историко-культурным контекстом²⁴, что и дает возможность понять эволюцию и трансформацию ценностной оценки в разные исторические периоды, а значит и уловить причины сохранения или утраты ценности произведения архитектуры.

Создаваемое архитектурными средствами у человека ощущение своего центрального положения в пространстве является одним из элементов, формирующих ценности архитектуры. Так, в деревянных православных храмах активно подчеркивалась центральная ось, на которую как бы нанизывались все помещения церкви. Ось настолько доминирует, что человек начинает ощущать уже не только торжественность храма, но и жесткую направленность предписанного ею движения. Таким образом, прием разворачивания пространств усиливал чувство зависимости и подчиненности прихожан.

В то же время, было замечено, что в залах с перекрытиями купольного и шатрового типов, архитектурное решение было призвано усиливать ощущение значимости позиции наблюдателя. Не случайно в таком пространстве посетитель стремится именно в центр зала, чтобы в полной мере почувствовать воздействие его архитектуры и ощутить самого себя как главное действующее лицо "архитектурного спектакля". Центр подкупольного пространства воспринимается едва ли не как физическая реальность. Причем относительно небольшие подкупольные залы благодаря этим архитектурным приемам иногда воздействуют даже активнее значительно больших по размерам²⁵. Холодные деревянные церкви с шатровым перекрытием, имеющие в интерьере "небеса", то есть подвесной потолок, несколько сглаженно повторяющий шатровую форму завершения, в полной мере обладали этими свойствами. Таким образом, планировка и внутреннее пространство храмов создавали целый комплекс ощущений, обладающих привлекательностью именно в силу своей противоречивости, в них подчеркивалось движение к центру кафоликона, где человек начинал ощущать свою значимость и стабильность, обращаясь к алтарю и иконостасу, являвшемуся целью и пределом движения. Такое парадоксальное сочетание зависимости и осознания собственной значимости пришедших в храм, создавало разнообразие впечатлений и ощущений, подкрепленное прекрасным внутренним убранством храмов, рождая чувство гармонии. Известно, что в организации архитектурной среды учитывалась возможность возникновения разного эмоционального состояния различных индивидов в зависимости от их участия в деятельности, характерной для среды данного типа, и доминирование какого-либо одного эмоционального состояния людей независимо от характера их деятельности²⁶.

Итак, своеобразие символики, морфологии и феноменологии русского храмового зодчества лежало в основе архитектуры деревянных церквей Сибири. Многоуровневость организации храмами общественной жизни и пространства обеспечили многозначность их прочтения. Архитектурная форма православных храмов Сибири была обусловлена требованиями отправления культа, необходимостью выражения духовного начала материальными средствами, учетом влияния природно-климатических условий, свойств дерева в качестве строительного материала, использо-

вания определенных конструкций, эстетическими установками. Храмы понимались не только как культовые сооружения, они несли многозначную символику и исполняли несколько функций. Храм помимо молитвенного дома был для прихожан центром мироздания²⁷, архитектурной доминантой в силуэте города, местом театрализованного богослужебного действия, хранилищем произведений искусства и редких книг, своеобразным концертным залом, пантеоном с почетными захоронениями, центром публичной жизни города, а нередко и страны, каковыми были, например, София Киевская, Успенский собор Московского Кремля, Софийский собор Тобольска или церковь Троицы Живоначальной в Томске. Помимо этого храмы нередко имели функцию мемориальных построек, заменяя собой триумфальные арки, обелиски, стеллы. Все это побуждало создателей храмов создавать такие замечательные сооружения деревянной архитектуры, которые логикой и совершенством форм могут быть поставлены в один ряд с лучшими архитектурными памятниками мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арсеньев В. О церковном иконописании // *Философия русского религиозного искусства XVI - XX вв.*: Антология. - М., 1993. - Вып. I. - С. 140.

² Резун Д.Я., Васильевский Р.С. *Летопись сибирских городов*. - Новосибирск, 1989. - С. 49.

³ Курилов В.Н. Из истории шатрового зодчества в Сибири XVII в. // *Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири*. - Новосибирск, 1989. - С. 91.

⁴ Иванов И.О. О значении храма и обряда в области веры и религии Христовой. - Воронеж, 1894. - С. 34.

⁵ Забелышанский Г.Б., Миневрин Г.Б., Раппопорт А.Г., Сомов Г.Ю. *Архитектура и эмоциональный мир человека*. - М., 1985. - С. 108.

⁶ *Первые шаги в православном храме*. - М., 1991. - С. 3 - 7.

⁷ Громов М.Н., Козлов Н.С. *Русская философская мысль X - XVII вв.* - М., 1990. - С. 82.

⁸ *История и психология*. - М., 1971. - С. 67.

⁹ Там же. - С. 102.

¹⁰ Шукуров Ш. Что есть мусульманский храм? // *Наука и религия*. - 1995. - № 1. - С. 46.

¹¹ Иванов И.О. О значении храма и обряда... - С. 40.

¹² *Первые шаги в православном храме*. - С. 5.

¹³ Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. *Древний Запаверск*. - М., 1977. - С. 142.

¹⁴ *Первые шаги в православном храме*. - С. 5.

¹⁵ Шамаро А.А. *Русское церковное зодчество: символика и истоки*. - М., 1988; Раппопорт П.А. *Ориентация древнерусских церквей* // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. - М., 1974. - Вып. 139; Гаряев Р.М. К вопросу об ориентации русских церквей // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. - М., 1978. - Вып. 155.

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Первые шаги в православном храме*, Вагнер Г.К. *Искусство мыслить в камне*. - М., 1990.

¹⁷ Курилов В.Н. Из истории шатрового зодчества... - С. 92.

¹⁸ Сулова А.В., Славина Т.А. *Владимир Сулов*. - Л., 1978. - С. 75.

¹⁹ Орфинский В.П. К вопросу о художественной преемственности в современной русской архитектуре // *Традиции и новаторство в градостроительстве Российской Федерации*. - М., 1986. - С. 27 - 33.

²⁰ Орфинский В.П. К вопросу о художественной преемственности... - С. 29; Мильчик М.И. *Ремонты деревянных церквей в XIX веке по порядным записям* // *Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера*. - Петрозаводск, 1989. - С. 120; Бондаренко И.А. *Народное и царственное зодчество Древней Руси: К проблеме общности традиций и идеалов* // *Народное зодчество*. - Петрозаводск, 1992. - С. 7; и др.

²¹ Бернштейн Б.М. *Традиция и социокультурные структуры* // *Советская этнография*. - 1981. - № 2. - С. 109.

²² *Первое столетие сибирских городов: XVII век*. - Новосибирск, 1996. - С. 150.

²³ Афанасьев К.Н. *Витрувий и архитектурно-строительные традиции Древней Руси* // *Естественнонаучные представления Древней Руси*. - М., 1988. - С. 3 - 11; Бондаренко И.А. *Народное и царственное зодчество Древней Руси*... - С. 7.

²⁴ Забелышанский Г.Б., Миневрин Г.Б., Раппопорт А.Г., Сомов Г.Ю. *Архитектура и эмоциональный мир*... - С. 11.

²⁵ Там же. - С. 102.

²⁶ Там же. - С. 106.

²⁷ Вагнер Г.К. *Византийский храм как образ мира* // *Византийский временник*. - М., 1986. - Т. 47. - С. 163 - 181.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XVII век - время активного освоения сибирских земель, продвижения русских вглубь незнакомого сурового края, поэтому именно тогда большое значение приобрели символические аспекты в обживании новых территорий, в принципах внутренней организации поселений и в самих сооружениях. Особенно ярко роль символики проявилась в культовом зодчестве - деревянных церквях Тобольска, Томска, Илимска, создавая традиционную и одновременно неповторимую взаимосвязь их облика и образного строя.

В смысловой триаде морфологии, феноменологии и символики деревянных церквей Сибири XVII в. в полной мере проявились дихотомические ряды "божественное - мирское", "мужское - женское", "традиция - новация", "старое - новое", "общее - уникальное", "движение - стабильность". Полнота поддержания каждого составляющего обеспечивала равновесное развитие деревянного зодчества. Утрата той или иной части, например, традиций, закономерно рассматривается как угроза воспроизводству всей системы, что справедливо и для современности.

Мировоззренческая доктрина замечательных православных храмов, среди которых можно назвать и собор Софии Премудрости Слова Божия, церкви Похвалы Богородицы, Троицы Живоначальной, Казанской Божьей Матери, показывает единство понимания божественного и мирского через их непрерывное взаимовлияние. Такое сочетание оказалось удивительно гармоничным и жизнеспособным в течение многих веков.

В христианской идее "Бог - земная Церковь" явственно угадываются древние мотивы единства и противоположности "мужского - женского", что проявляется на всех смысловых уровнях, начиная с посвящения храмов. Так, каждая церковь воздвигается во славу Бога, но имеет и конкретное посвящение. Конечно, посвящение далеко не всех церквей связано с женскими божественными образами (Софией, Богоматерью, Троицей), это было бы слишком примитивно и прямолинейно. Однако женская знаковость может проявляться, как было показано, и в числовой символике, и в самой канонической трактовке роли Церкви как земной посредницы между людьми и Богом.

Строители церквей следовали традиционным для русского зодчества канонам, которые являлись основой для обеспечения преемственности образов зданий, имевших своих архитектурных "предшественников" и "наследников". Вместе с тем, канонизация не устанавливала жестких границ творчества - каждое сооружение уникально. Свою задачу создатели храмов видели не столько в воспроизведении форм в силу того, что были ограничены необходимостью использовать уже известные, испытанные конструкции, сколько стремились выразить идею единства всего Русского православного мира. Жители сибирских городов, происходившие из разных российских городов и пришедшие осваивать незнакомые территории, должны были чувствовать свою причастность к жизни всего государства, во всем ощущать "встроенность" в его систему и, в итоге, обрести новую родину в чужом краю.

Русская деревянная церковная архитектура - неотъемлемая часть своеобразной культуры, созданной народом, формой жизни которого является непрерывное движение, перемещение, освоение, преобразование. Отсюда стремление строить именно деревянные здания, которые прекрасно поддаются переделкам, усовершенствованиям, изменениям без значительного ущерба для эстетических достоинств. В новом сооружении каждое поколение имело возможность проявить свой художественный вкус, показать свое прочтение известных канонов, трактовать традицион-

ные формы в духе своей мировоззренческой системы. А при необходимости, и без сожаления смириться с утратой здания, погибшего, например, в пожаре, поскольку всегда существовала уверенность в возможности возведения нового, одновременно и несущего элементы преемственности, и отвечающего потребностям времени.

Сибирские деревянные церкви XVII в., создававшиеся людьми и для людей, явились отражением всей мировоззренческой системы эпохи. Неудивительно, что многие из них продолжают оставаться загадкой для наших современников. Хотя усилиями исследователей завеса тайны уже приподнята, главные открытия еще впереди.

ABSTRACT

INTRODUCTION

The preservation of Siberia's cultural heritage poses a serious problem. The relentless passage of time and social change combine with the elements to take their toll on its remarkable buildings of wood which, abandoned amid Siberia's boundless expanses, stand condemned. A lot of Siberian churches were destroyed or changed their forms, but they were not even described carefully. It needs now to reinsert these monuments into a cultural context and to create opportunities for interaction between people and architecture, and between the modern world and the material world of ages past. It is very important today because building of a great number of new churches has been started, so the community has to realize whether new churches follow ancient traditions or not.

Filling in the gap in cultural processes and awareness was one of the tasks of the project "Siberian Wooden Churches: Reality and Symbolics", which had to investigate the problems of Siberian wooden churches of the 17-18 centuries and to give a complex analysis of their symbolism, phenomenology, and morphology.

Some wooden Siberian churches were chosen to make up an investigation. They are the Sophia Cathedral in Tobolesk (1621), the Holy Trinity church in Tomsk (1654), the church of the Kazan Holy Mother in Ilmsk (1679). They are not existing now but they have a great significance for understanding of a natural development of the Russian architecture as a part of the Russian culture belonging to permanently moving people. All these churches were built by unknown folk builders and represented a good example of nonprofessional Russian architecture. The main principals of their composition have to continue specific traditions of Russian building of the wood. A hypothesis was advanced that these churches had to have all features of the medieval Russian culture which was influenced by ideas of New Time. First of all, they were to be greatly influenced by traditional medieval theocentrism combined with pagan origin of Russian folk culture and depend on a complex of folk knowledge about Nature, Universe and Man. Symbolism has to play an important role in composition of the churches and their location in landscape and structure of town.

It was suggested not only to reconstruct full descriptions of the churches, but to analyze the main ideas of their architecture. The peculiarity of the project is an investigation of the significance and connection of the consecrating, "the name", of the churches with their symbolism and morphology. It was important also to reconstruct the churches graphically to show their original facades and plans.

The main methods to be used were the survival method, the cross-cultural or comparative method, the componential analysis. The first one has to be used in analysis of architectural forms of the churches, their pagan, early Christian or folk origin. The second method was important to determine common and particular in churches of different periods, cultures and countries. The componential analysis helped to define an essence of architectural phenomenon by finding its structural components that was very important in examination of the system of medieval culture and the place of each church in it. Graphic methods and computer simulation helped to see specific characteristics of each church and correct the images.

One of the main problems in reconstruction was to make an interpretation of old texts which include only part of information. But this information can be supplemented by other descriptions of these churches of the different periods and other churches and chapels. Furthermore in each text there

are special constant formulars and expressions which reiterate from text to text and which could be defined by the author of the project.

Different data were to be used in the investigation. Archival materials of State Archives of Tomsk, Central Archive published texts, unpublished descriptions, drawings of old architects combined had to give a full picture to solve the problem.

It was necessary to use a wide range of books starting with those which devoted to historical background and investigation of the main features of the European and Russian culture, transformation of the Russian culture in Siberia. Investigations in Russian European architecture, Siberian architecture, medieval Russian art, poetry, singing, apocrypha, iconography and icona-painting, philosophy were also very important in understanding the cultural development. Special problems of stylistic devices (baroque, Gothic), theory and history of architecture, history of theology and religion, some questions of psychology are to be base for comparison. All these were useful to make up the research.

The scientific significance of the topic is that it becomes a base of further investigations of Siberian architecture and determines the main characteristics of wooden churches and their role in the development of Russian and world culture. It will be a definite stage in reconstruction of these monuments. This work will have practical benefits and special importance to architects who design new churches. Now in Russia a lot of projects of new churches are developing. So the conclusions of the project will help architects to choose deliberately if they continue old traditions of building churches or not. As the work gives the answer to the questions "what were the traditions of wooden churches" and "are they adequate to modern situation or not", it will help architects and historians to reconstruct architectural monuments which are needed to save, for example in Open-Air Museums or *in situ*.

The results of the project have an educational significance as a base for university and college courses. They will be interesting for architects, experts in art history, students and for general readership. A monograph will be published as well as it will be represented in hypertext (HTML) format. Thus an opportunity will be given to everybody to get acquainted with it in Russia and abroad.

THE SOPHIA CATHEDRAL IN TOBOLESK (1621-1667)

The term *image* is a fundamental one in forming an architectural space. The pluses and minuses of building are often estimated by basing on informational complexity of the image. To work on the image equals to work on the architectural forms. Russian Orthodox churches being cult buildings have the most traditional image slightly influenced by fashion. The feature is based on symbolic meaning of parts of the orthodox temple which has been saving during the centuries. The image has functions of symbol but depends on the level of science and technique so that is why being static one it has some dynamic characteristics. Main social ideas adapt images of each type of buildings by creating specific images. Traditionality of the images and forms do not mean their mechanical transformation from one building to another, from one epoch to another. Being very different by forms temples can obtain specific structure of image especially symbolic one.

Many of Siberian churches have a long history of changing their forms while saving architectural image. It can be said about the Spasskaya Church in Zashiversk (5 stages of transformation), the Spasskaya Church in Turinsk (2 stages). The Sophia Cathedral in Tobolesk, the first Siberian church made of stone, also has its "wooden history" from 1621 to 1677. Exactly in this period the city became military, administrative, trade and cult centre, a real capital of Siberia. This status greatly influenced the aim of erection of the main city church, hence the image of it. From the very beginning church had to be a cathedral. The erection of the first wooden Sophia Cathedral was made by initiative of archbishop Cyprian.

Descriptions of the Sophia Divine Wisdom Cathedral permit to reconstruct its forms. Its height was about 28 m, the floor was on the height of 3.5-3.9 m. A felling of the church was 11 m high, that means that it was one third of all building. In the top of the building was a construction known in Russian architecture as "zakomary" and some domes of different sizes. The Cathedral had three altars and a church-porch which ran around three sides of the felling. A special roofed staircase led to the church-porch. The Sophia Cathedral was five-domed one.

G. Vagner found that five-domed churches appeared and returned in Russian cultural background when one could notice politically important, even overall Russian tendency. The first five-domed church was the Church of Our Holy Mother erected in 989, after baptizing by Prince Vladimir. The Sophia Cathedral in Novgorod, 11th cent. A.D., by the way a birthplace of archbishop Cyprian, also was five-domed. In many Russian cities in the 15-17th cent. main churches had five domes. A lot of main city churches had this characteristic feature. In the 15th century it were built 1 church, in the 16th century - 4, in the 17th - 14, the Sophia Cathedral in Tobolesk was among them.

Undoubtly the number of domes is connected with the numeral symbolics which has a special importance in architecture based on combinations of forms, details and constructions. Numeral symbolics might not be understandable in each period of time by builders but it had a traditional base giving a stability in using. One usually considers that the five domes symbolize Christ and four Evangelists. But there is a more deep sence of numeral symbolics - understanding of numbers as theological marks.

Systems of sacral numbers being created in Ancient World were transferred in Christianity. Belief in numeral symbolics was common in Western Christian culture as well as in Eastern one. In Old Russia it can be found in all fields of culture - literature, art, architecture, history, religion, everyday life. Such numbers as 3, 5, 7 had their own original sense. 5 is strictly connected with images of goddesses. That is important because Sophia is painted as the Virgin. Furthermore, 5 is a symbol of something perfect. In Christian tradition 5 is a mark of unity of the Church as a bride and Our Lord, prediction of all Cristians to eternal life. That is why a five-dome church can express the unity of folk and God, a wish of future eternal life to citizens and the Highest Protection by a goddish couple - Male and Female.

Now it is really understandable that Tobolesk Cathedral was named after Sophia. The great historical temples in Constantinople, Kiev, Novgorod had the same devotion - "name". These churches had the image of a temple uniting people in belief and state system. In new Siberian land inhabited by different tribes it was extremely essential to bring the idea. The image of Sophia was a key one in Old Russian culture, symbolized a harmonization of Nature, powerful State. It was one of the difficult images not understandable in a moment or by a proselite. It wasn't widely spreaded and stood alone. In the 17-18th centuries and even up to our days there was the only one church in Siberia named after Sophia. One can see an appearance of image of Sophia in erecting churches in periods characterized by the most interest of the intellectuals and theoretics of culture lived in the 10-12th and the 16-17th centuries - when the Christianity established and spreaded on new Russian territories.

The Sophia Cathedral was a part of a large residence consisted of different buildings - dwelling houses, barns, administative buildings. Besides there were one more church and a bell-tower. All of them were connected by special passages. Early investigators did not pay attention to the Church of Singing the Virgin's Praises though a description gives an opportunity to reconstruct it, too. By my own reconstruction the Church had the different image than the Cathedral, it was more modest but had the same dimensions of plan and height.

The Sophia Cathedral built in 1621-1622 has being existed for twenty years and was destroyed in fire (August 14, 1643). In 1644 Czar Michael ordered to build new cathedral. It had the same sizes but differed in forms. Now it was 13-domed to praise Jesus Christ with 12 Apostols. Rich baroque forms were changed to strict classical ones. The temple was looked over better than the former. It was more open to men, had not fences. Now it was not an analog of a castle. All these features can be connected with new tendencies of architecture before the 18th cent. As former one the Cathedral was fired (1677). In 1686 a new Sophia Cathedral was built in stone. It had five domes as the first wooden one symbolically repeated its image.

A pattern of erecting the Cathedral came from ancient times, its symbolics was combined with its constructive forms and function.

THE CHURCH OF THE HOLY TRINITY IN TOMSK (1654) AND THE CHURCH OF KAZAN HOLY MOTHER IN ILIMSK (1679)

The Holy Trinity Church was the first great cult building in Tomsk erected just after creation of the city. It is known that it was rebuilt in the middle of the 17th century while erecting new Tomsk fortress (1654). The wooden Church of Holy Trinity existed up to 1811.

An attentive investigation of documents made possible to reconstruct the church in other forms than it was done by other authors. First of all it was suggested that the church should be tent one. The length of the cafolicon of the church was 7.5 m, the height of fellings up to the tent was 27.9 m, the height of the tent 15 m. A church-porch ran around three sides of the fellings. One should pay attention on the height of the church because it was a remarkable one - 51 m. By the facinating height it can be compared with the highest wooden churches known in Russian architecture - the Vladimir Church in Belaya Sluda and the Church of Resurrection in Pjala. The Trinity Church had a complex function as cult, dwelling and special barn building. In city planning the Church had a special importance because of its height. It was a real vertical core of the city and dominated among all buildings. Such height was really unusual to wooden churches.

The tremendous tent church was built in one of the most important Siberian cities. Tomsk played a special role in the Siberian history. Because of location near southern regions it soon became a large city. The 17th century when the Trinity Church was built can be concerned as a time of flourishing of wooden tent cult architecture. Firstly, in 1600 the famous stone bell-tower "Ivan the Great" was erected in Moscow. It was vertical dominate not only in the Kremlin but in all Moscow. In the 17th century tent churches began to be made of wood. There are some reasons to say that it was a realization of definite concepts of epoch. The 17th century was a century of Great geographical discoveries of Russia, Russian penetrating to new lands. As some ethnographers think coming of people to new land to live connects with sacralization of the territory by erecting specific for each culture "sacred ritual columns" imitated "sacred trees".

High tent churches possessed a large soteriological importance for each settlement which community began to realize their unity on new territory. Despite the contradiction between canonic Christian and pagan, one can find the idea of ritual columns - connection of Earth and Heaven - in Christianity itself. The symbolics of icons contains the concept of "sacral tree", e.g. "The Holy Trinity" by Adrej Roublev.

So we can see the sense of devoting the church to Trinity and realizing its image in high building coinciding with "sacred tree".

In folk Orthodox Christianity concept of Trinity differs from canonic and coincides with the image of the Most Holy Ever-Virgin Mary. It brings together the terms of Christ and the Virgin Mary maintainig connection of male and female goddish origins. So by that means all High Powers were accomplished to supply a help to human beings.

Tent churches were beloved in Siberian folk architecture for a long time despite the absence of official permission of erecting churches of that type. It was because their image fully answered to aesthetic, religious and psycological desire of the people.

High temples have very expressive silhouette which is important in human psycology. Human being percepts horizontal and vertical lines in different ways. All declines from vertical line are evident. The traditional sphere of Russian natural understanding of space as it can be seen while analysing Russian linguistic picture of the world is a space near the ground. All horizontal ways create world of everyday life while a vertical line associates with tension of the soul, appearance of human will moving to the Heaven.

So vertical buildings are obligatory in creation of a special high condition of human soul. It is mostly important in cult architecture. Psycological attention to silhouette is combined with all cultural phenomena including symbolics. The wooden Trinity Church was an expression of this concept.

The Church of Kazan Holy Mother and the Spasskaya tower present two remarkable examples of old wooden buildings in Ilmsk. The church was set out of town walls near the tower which had little hanging chapels. While investigating the buildings some historical and cultural comparisons involuntarily come to mind.

In Old Russian art an image of Holy Mother stood behind the image of Our Lord being of equal mental importance for people. Holy Mother is called "the beginning of save" in praising Her chants and canons. She feels compassion to Her Son and therefore can understand and sympathize people. She is eager to help people who have numerous troubles. That is why the image of Our Lady was very popular in Russian folk mentality. At the same time Her image stands in one row with pagan Russian idea of the original Mother-Ever Wet Earth and inherits all her functions. Besides an ancient legend (10-11 cent. A.D.) is known which tells about Our Lady Portaitissa - Protector of the Gates, who always guards town gates.

In such way one can understand the explanation of the tradition following which citizens of Ilmsk wished to ask Holy Mother to protect them by erecting a special church for Her icon.

A choice of image of Kazan Holy Mother was not made by chance because symbolically it connected with missionary work. The significance of the symbol was very important in organizing living space in new territories inhabited by numerous pagan tribes.

The main symbol of Christianity - Christ the Saver, had to defend the gates and the town. It can be explained knowing that it was a wide spread tradition. Spassky churches and chapels were situated in almost 50% Siberian towns and ostrogs. In Russia it became a real symbol of Russian State marked specific social, religious, cultural relations.

So in Ilmsk church ensemble we can find an old tradition supported prosperity and protection of the town. The meaning of the composition of the town space contained an idea of specific methods of defence because people tried to appeal to the Highest Forces asking to protect them.

A new reconstruction of the Church of Kazan Holy Mother has to be proposed. It was a small but expressive building of chapel type. Some architectural analogs of Russian North can prompt its forms. The church was topped by a bell-tower and had a roofed porch without walls. It had a dome so a tower did. All dimensions show finess and lightness of the building.

SIBERIAN WOODEN CHURCHES: DIVINE AND HUMAN

An architectural space created by man is characterized by a specific semantic triad - symbolics, morphology, phenomenology, comprehending of which makes possible to realize the essence of interaction between Man and "the Second Nature" - architecture. In cult architecture a specific frame of the space based on symbolic forms goes on several levels. That are an interior space, an exterior space of combination of constructions and landscapes - urban, rural, natural.

Any of the levels influences a man reflecting in the semantic triad. The symbolics as a rule has a sacral sense and is out of common knowledge. A secret knowledge of meanings of symbols can be lost but forms of a church, a chapel or a bell-tower actively influence state of mind. At the same time comprehending of symbolics enriches and gives new aspects of a perception of an architectural object. The architectural space formed by Russian Siberian Orthodox churches was stipulated by multifunctional role of the buildings which had different functions: cult, public, house-holding, storing and others. In 17th cent. service itself, patron saint's days were not only religious act but emotional pageant theatre. Churches had a great public importance and were materialized symbols of belief. Being high and situated in elevated places they became citymaking dominants, organizing squares.

Despite the multifunctionality of churches they were primary cult "visual mediator" between God and Man. Being one of world religions Christianity expresses its own ideological constructions in symbolism of cult buildings. Symbolism of Russian Orthodox Church strictly opposes transformations and ethnic specific. Possibilities of changes and ethnic characteristics realize in morphology of the churches. Saving of symbolism is one of the spiritual values of creators of the church architecture. In mythological and religious form of consciousness prevailed in Middle Ages symbolism was the most important feature, it raised to lots of associations and meanings which Russian culture gave to morphological base. Symbolics was the main principle dictated a stile of architecture and art. It idealized and conserved the traditionality in architectural forms and constructions. The main symbols of Russian wooden churches keep their semantic content despite the location and style of churches. They connected with the idea of treating a church as "likeness Heaven on the earth where God exists".

It is common knowledge that even in 17th century the theology was the highest criteria in the Russian art. It can be explained not only by the dependence an artist on a theologian which was directly dictated by the Orthodox Church controlled the art but by the coincidence of purposes of both of them. Art had to speak with people in the language known by them and which was flexible enough to allow creating interesting, different but traditional forms. All medieval Russian culture based on spiritual appeal to God who was the perfect pattern. All people were treated as His equal creatures but they differed by their closeness to God. Churches where people talked to God were necessary in every town because they assisted to the specific Divine - Human contact.

In the Middle Ages the following statement was spread: any transformation led to decay. Everything old had the most value, everything old possessed a high quality and wisdom. Medieval consciousness was oriented to the past. The world did not need transformations, it was to be stabilized and immovable. The authority of traditions dictated the use of stable methods and rules. On the other hand, in Russia in 16-17th cent. active migrations to Siberian territories began. Lots of people took part in penetrating to Siberian territories, most of them were adventurers, ready to any difficulties. They needed to struggle any moment - with enemies, with nature, with themselves at last. So they needed spiritual balance to guarantee a protection. The balance was given by traditions, that was why the traditions were so viable. In difficult Siberian situation a refusal of the great number of traditions was inevitable payment for changing life but it was fully compensated by the traditionality in organization of dwelling environment, renewing of usual surroundings which meant security.

The composition of the churches was traditional and stable and had three parts - altar, middle church and narthex, by which the composition of Jerusalem Temple of Old Testament was repeated. Orthodox churches were oriented to the East. Lots of churches were cross-planned after a symbol of protection of people from devil.

The specific feature of Russian church architecture appeared in the major role of exterior of the building in comparison with their interior. It is known that in composition of Byzantine churches the interiors were preferred, exterior had the second significance. In Russia the Byzantine prototype transformed to tremendous buildings with small inside volume. This disbalance to any gratitude was compensated by rich decoration.

The main compositional feature of Russian architecture is changeableness of impressions appeared when one is looking to the church while moving. This feature is constantly repeated in any church. Undoubtedly the originality of Russian church architecture is defined not only by these or that forms but by interpretation of them. The New Time started a new stage in the Russian art history because a phenomenon of "secularization" of art appeared. This process developed for centuries and firstly can be seen as a tendency. Endly, for example, up to 19th century it was expressed in functional differentiation of buildings. Churches couldn't be treated that time as buildings for public purposes because new types of buildings appeared, such as offices, meeting-halls and others. It greatly influenced the composition of the churches because they lost warm narthexes.

Phenomenology of Russian wooden churches connects with great aesthetic capacity of architecture which rises deep human emotional experience of dialectical unity of form and essence of church architecture. In architecture with its geometrically order and harmony the eternal cultural truth is incarnated. The reaction to the image of building is full of sense. A spectacular can have associations differed from author's idea but the inadequate impression is quite legal. Furthermore, an appearance of this effect is unavoidable due to large life of buildings. People of different epochs see "different" buildings because they have different cultural code.

Architectural space of Siberian churches created a complex of emotions which were attractive by their contradiction. One of them is underlining the moving to the central position of the church where one could feel stability and self-importance. Another one - emotion appearing while moving to an iconostasis which was the aim and the end of movement. The paradoxical combination of self-dependence and self-significance supported by wonderful decoration created a variety of emotions with dominating of feeling of harmony.

Originality of symbolics, morphology and phenomenology of Russian architecture was a base of phenomenon of Russian Siberian wooden churches of 17th cent. Multilevel organization of public life by the churches was the cause of differences of their morphology. Architectural forms of Russian Orthodox churches were stipulated by cult demands, necessity of expression of spiritual origin by material means, taking into account climatic and natural conditions, aesthetic principles. The church was not only the place for praising but it was the centre of Universe to the face of Eternity, architectural dominant, storage of art pieces and rare books, centre of public life, such as, for instance, the Tobolsk Sophia Cathedral, Tomsk Trinity Church and Ilmsk Church of Holy Mother were. That is why builders of the churches were forced to look for adequate decisions and create remarkable works of wooden architecture which could stand in one row with the best architectural monuments of the world.

CONCLUSION

The 17th century was a time of active developing of new lands, Russian penetrating to unknown Siberia. Therefore in this period the symbolic aspects in making alien land a homely one, in principles of settlements and even in buildings itself. Especially fully the significance of symbolism appeared in cult architecture - in wooden churches of Tobolesk, Tomsk, Ilimsk.- creating traditional and at the same time original interconditionality with their image and forms.

In semantic triad of morphology, phemenology and symbolism of Siberian wooden churches of the 17th century the important contradictory pairs appeared - "Divine - Human", "male - female", "tradition - innovation", "old - new", "general - unique", "movement - stability". The full support to every unit of pair provided stable development of wooden architecture. A loss of any of the parts, traditions, for instanse, led to renewing of the all system which is right even in modern world.

The remarkable Russian Orthodox churches such as the Sophia Cathedral in Tobolesk, the Holy Trinity Church in Tomsk, the Church of Kazan Holy Mother in Ilimsk, the Church of Singing the Virgin's Praises, the Spasskaya Church in Turinsk, show an idea of the unity of divine and human existing in uninterrupted interaction. This combination is found to be surprisely harmonic and vital for epochs.

In Christian idea "God - Church" one can notice ancient motifs of unity and contradictory of "male - female", which appeared on different levels starting with the "name" of a church. Any church is built to praise God, but has its own ordainment. Of course, only some churches are connected with goddess images (Sophia, Our Lady, Trinity), but female symbols could be found in numeral symbolics, in canonic role of a Church as a bride and mediator between God and people.

Builders of the churches followed traditional Russian architectural canons which were a base of succession of images of buildings. Almost all churches had their own "predecessors" and "successors". At the same time canonization didn't set strict frames of art - every building was unique. It seems that the creators of churches saw their task not only in reproduction of known forms but in expression of idea of unity of all Russia. In far Siberia any person had to feel his participation in life of the state and find new motherland.

Russian wooden church architecture is a part of original culture which was created by the permanently moving people who ever transforms life, habits, nature. That is why the wooden architecture was so popular. Wooden buildings could be rebuilt many times, they could be modernized without delays of aesthetic features. Each generation could express its own art taste, show new aspects of old canons, treat traditional forms in his own mental originality. And they didn't feel sorry to decay of a building which suffered, for instance, in a fire, because they were sure in erecting of new one, traditional and modern in the same time.

Siberian wooden churches of 17-18th centuries were created by the people and for the people. The churches reflected all the ideological system of epoch. That is why a lot of them are still a puzzle for modern people. Some efforts were made to answer a riddle but we look forward hoping to make new discoveries.

СОКРАЩЕНИЯ

ГАТО - Государственный архив Томской области
ЦГАДА - Центральный государственный архив древних актов
СП - Сибирский Приказ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1	
СОФИЙСКИЙ СОБОР В ТОБОЛЬСКЕ. 1621-1677 годы	8
ГЛАВА 2	
ЦЕРКОВЬ ТРОИЦЫ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ В ТОМСКЕ. 1654 год.	
ЦЕРКОВЬ КАЗАНСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ В ИЛИМСКЕ. 1679 год	29
ГЛАВА 3	
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ДЕРЕВЯННЫХ ХРАМОВ СИБИРИ:	
БОЖЕСТВЕННОЕ И МИРСКОЕ	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
ABSTRACT	55
СОКРАЩЕНИЯ	62

Научное издание

Майничева Анна Юрьевна

**Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы
(Серия "Этнография Сибири")**

Книга издана в авторской редакции
Технический редактор *М.М. Игнатов*

Подписано в печать 14.12.2000 г. Бумага офсетная. Формат 60х84/8.
Гарнитура Petersburg. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 8.
Тираж 600. Заказ № Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
Лицензия № ЛР 040755 от 12.04.96
630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Майничева Анна Юрьевна - архитектор, этнограф, кандидат исторических наук, лауреат российских и международных архитектурных конкурсов. Автор проектов более двадцати сельских поселков Новосибирской и Томской областей, участник реставрационных работ Музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН. Совместно с другими специалистами работала над восстановлением Зашиверской Спасской церкви и Казымского острога. Ее публикации по проблемам развития народной и профессиональной архитектуры известны в России и за рубежом.